

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ**

Тезисы докладов отчетной сессии

Выпуск 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253.3)я43
М43

Ответственные редакторы:
академик РАН, доктор исторических наук *А.П. Деревянко*;
доктор исторических наук *Ю.Ф. Кирюшин*

Редакционная коллегия:
А.И. Кривошапкин, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова,
Д.В. Папин (отв. секретарь), А.А. Тишкин, М.В. Шуньков

М43 **Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая [Текст] : тезисы докладов отчетной сессии / отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. 2. – 98 с. ISBN 978-5-7904-2090-0**

В сборнике публикуются тезисы докладов отчетной сессии Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, созданной в рамках реализации Постановления Правительства Российской Федерации №220 по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. Работы отражают научные результаты исследовательской деятельности сотрудников подразделения в 2015 г. Тематически охвачены периоды с древнейшей истории и вплоть до этнографического времени, рассматриваются методические, методологические и историографические вопросы археологии и исторической науки.

Издание предназначено как для специалистов (археологов, музееологов, культурологов, историков, искусствоведов), так и для всех интересующихся указанной тематикой.

УДК 902(571.1)
ББК 63.48(253.3)я43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке гранта
Министерства образования и науки РФ (постановление №220),
полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»,
договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири:
формирование и динамика культур на территории Северной Азии»*

ISBN 978-5-7904-2090-0

© Оформление. Изд-во Алтайского
государственного университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бородовский А.П.</i> Каменные изваяния правобережья Катуня у западного склона хребта Сальджар	5
<i>Вальков И.А.</i> Вторичное использование предметов из кости в елунинской культуре	8
<i>Грушин С.П., Фрибус А.В., Леонтьева Д.С., Вальков И.А., Сайберт В.О., Трусова Е.В.</i> Исследования погребальных памятников в лесостепном Алтае в 2014 г.	11
<i>Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А.</i> Междисциплинарные исследования пещеры Чагырская в полевом сезоне 2015 г.	14
<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б.</i> Исследование палеолита Денисовой пещеры в 2015 г.	16
<i>Кирюшин К.Ю.</i> Третий горизонт поселения Новоильинка-VI	18
<i>Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В.</i> Основные проблемы и перспективы изучения андроновской культуры Алтая	22
<i>Кривошапкин А.И., Шалагина А.В., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В.</i> Огранки сколов как индикатор использования леваллуазских методов расщепления в среднепалеолитических индустриях пещеры Страшной	25
<i>Леонтьева Д.С.</i> Итоги и перспективы изучения поселений андроновской культуры лесостепного Алтая	28
<i>Лихачева О.С.</i> Изобразительные источники по вооружению раннего железного века из лесостепного Алтая	31
<i>Молодин В.И., Мыльников В.П., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Селин Д.В., Мыльникова Л.Н.</i> Комплексное изучение археологии голоцена Обь-Иртышья и сопредельных территорий	34
<i>Мыльников В.П.</i> Опыт изучения технологии обработки горелых и обугленных деревянных предметов раннего железного века	37
<i>Мыльникова Л.Н.</i> Обжиг глиняной посуды переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири ..	40
<i>Нестерова М.С.</i> Исследование очажных устройств в структуре поселенческих комплексов эпохи раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири	44
<i>Папин Д.В., Федорук А.С.</i> Новации в технологии изготовления керамики на Алтае в эпоху поздней бронзы (по материалам поселения Бурла-3)	46
<i>Паршикова Т.С.</i> Археологические исследования Э.М. Медниковой в 1960-е гг.	49
<i>Пономарева Т.М., Рахимжанова С.Ж.</i> Результаты предварительного изучения керамики поселения Балинское 73	52

<i>Редников А.А.</i> Магнитометрические исследования на территории Алтайского края	55
<i>Рыбин Е.П.</i> Эксплуатация каменного сырья в позднем палеолите Монголии	57
<i>Сайберт В.О.</i> Методы графической реконструкции по археологическим данным	60
<i>Селин Д.В.</i> Анализ формовочной массы керамики населения восточного варианта пахомовской культуры (по материалам памятника Старый Сад, Барабинская лесостепь)	62
<i>Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Лихачева О.С., Паршикова Т.С.</i> Археологические исследования на Средней Катгунь	65
<i>Соломонова М.Ю.</i> Определение древесины из курганного могильника раннего железного века Нижняя Каянча	68
<i>Соломонова М.Ю., Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Сперанская Н.Ю.</i> Палеопочвенные исследования археологических объектов энеолита Северной Кулунды	70
<i>Степанова Н.Ф., Фролов Я.В.</i> Культурные традиции в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс по материалам керамических комплексов раннего железного века Барнаульского Приобья ...	72
<i>Тишкин А.А.</i> Плановые исследования древних и средневековых металлических предметов с помощью рентгенофлуоресцентных спектрометров	75
<i>Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Паршикова Т.С., Лихачева О.С., Мунхбаяр Ч.</i> Полевые исследования в Западной Монголии в 2015 г.	80
<i>Тишкин А.А., Филипенко М.Л., Дымова М.А., Грушин С.П., Куслий М.А., Клименко М.Ю.</i> Перспективы палеогенетического изучения древних останков овец и лошадей из памятников юга Западной Сибири и Алтая	83
<i>Тишкина Т.В.</i> Особенности формирования археологической коллекции в Музее истории развития горного производства им. А. Демидова (г. Змеиногорск)	86
<i>Тур С.С., Святко С.В.</i> К вопросу о практике инфантицида в древних обществах в связи с врожденными пороками развития ...	89
<i>Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.</i> Особенности физического развития неолитического населения Обь-Иртышья: пропорции и длина тела ...	92
<i>Фролов Я.В., Федорук А.С.</i> Новое погребение скифского времени на памятнике Фирсово-III	95
Список сокращений	97

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КАТУНИ У ЗАПАДНОГО СКЛОНА ХРЕБТА САЛЬДЖАР

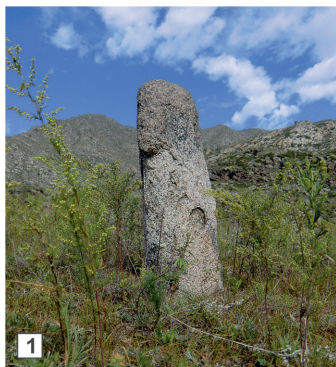
А.П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

На территории Онгудайского района в среднем течении р. Катунь у западного склона хребта Сальджар в ходе широко-масштабных археологических разведок выявлено несколько ранее не известных разновременных каменных изваяний, включая естественно-антропоморфные. Среди них обломок оленного камня с Сальджарского перевала (рис.-3), два изваяния в урочищах Убан-Кобы и Каракорум-15 (рис.-1-2) и средневековое изваяние из предустьевой части долины Кор-Кобы, описанное ранее Ю.Т. Мамадаковым (рис.-4). Особое внимание следует уделить естественно-антропоморфным изваяниям. Они по целому ряду причин имеют проблемную археологическую интерпретацию и достаточно редко включаются в сводки каменных изваяний Горного Алтая [Кубарев, 2009, с. 254, рис. 187]. Тем не менее следует подчеркнуть, что в рамках общего изучения древних и средневековых изваяний Алтая они не только занимают определенную «нишу», но и имеют важное значение при исследовании факторов отбора исходного сырья для изваяний с последующей обработкой, а также при использовании естественной формы материала в традиционном камнеобрабатывающем производстве и общем анализе стилистических особенностей каменной монументальной объемной пластики. Все эти вопросы достаточно актуальны для объективных интерпретаций технологии обработки камня в прошлом и потенциальной культурно-хронологической атри-

буции таких объектов. Антропоморфные изваяния эпохи бронзы, известные на территории Горного Алтая [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 206, рис. 113.-1], имеют сходные черты в использовании естественной формы каменного материала перед нанесе-

Каменные разновременные изваяния у западного склона хребта Сальджар: 1 – естественно-антропоморфное изваяние из урочища Убан-Кобы; 2 – естественно-антропоморфное изваяние Каракорум-15; 3 – фрагмент оленного камня с Сальджарского перевала; 4 – древнетюркское изваяние из урочища Кор-Кобы

нием на него изображения. В эпоху раннего железа естественная форма исходного каменного сырья достаточно активно использовалась при изготовлении «оленных» камней Горного Алтая [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 206, рис. 113.-2–3]. Позднее аналогичная тенденция наблюдалась уже в средневековых тюркских каменных изваяниях. Наиболее отчетливо эта особенность была представлена именно на территории Средней Катунь [Кубарев, 1984; Кубарев и др., 1992; Худяков, Бородовский, 1993], включая ее правобережье у западного склона хребта Сальджар.

Список литературы

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск : Наука, 1984. – 231 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемсин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на Средней Катунь // ALTAICA. – 1992. – №1. – С. 43–49.

Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на Средней Катунь // ALTAICA. – 1993. – №3. – С. 17–20.

ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОСТИ В ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

И.А. Вальков

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

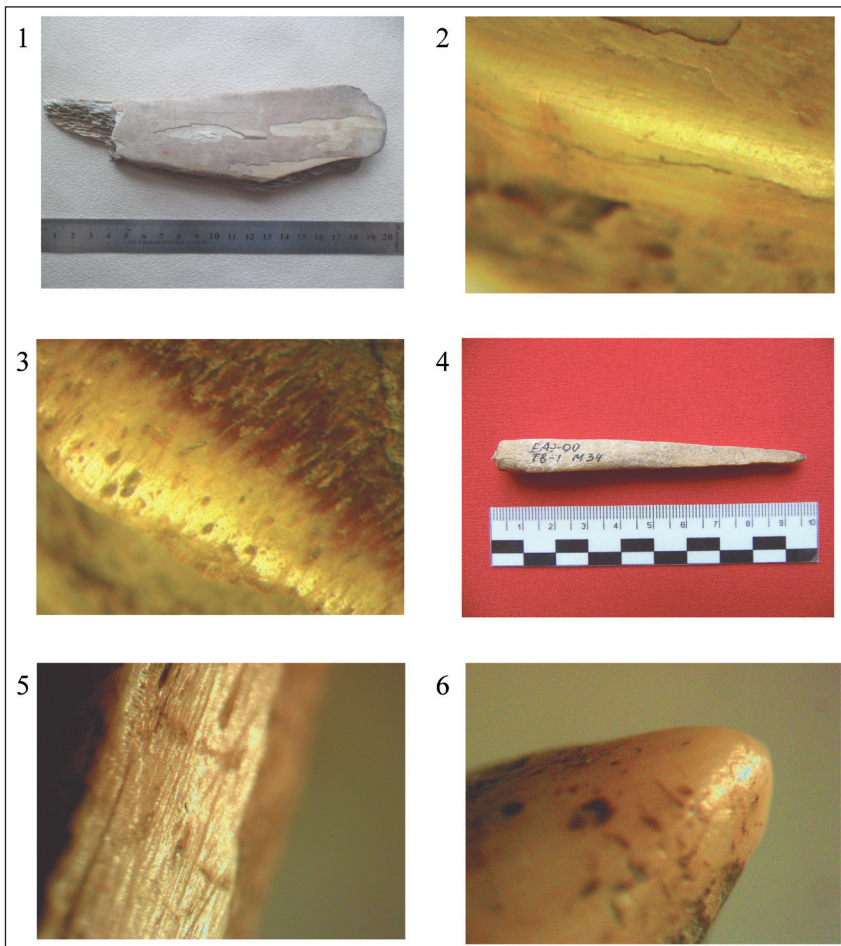
Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В контексте изучения функционального назначения костяных предметов елунинской археологической культуры особый интерес представляют вторично использованные вещи. Не всегда морфологические особенности различных изделий свидетельствуют об их функциональном назначении. Достоверно установить случаи вторичного использования (переиспользования), а также полифункциональности предметов позволяет методика трасологического анализа, разработанная С.А. Семеновым [1957].

В процессе изучения костяных орудий и изделий с памятников елунинской культуры нами выявлены два предмета, которые вторично были использованы в других операциях, не предусмотренных изначально при их изготовлении. Среди таких предметов костяной струг из материалов поселения Березовая Лука и наконечник стрелы, обнаруженный в одном из погребений грунтового могильника Телеутский Взвоз-1.

Костяной струг, изготовленный из плоской кости крупного животного (ребра?), обнаружен на поселении елунинской культуры Березовая Лука (рис.-1). Струг имеет оформленный путем заострения ножом рабочий край, а также выделенную рукояточную часть. Данное орудие использовалось по своему первоначальному назначению для снятия мездряного слоя в процессе выделки шкур животных, о чем свидетельствуют многочисленные мелкие линейные следы-царапины, перпендикулярные длинной оси орудия, а также заполировка, что характерно для орудий данной категории (рис.-2).

Макро- и микрофотографии вторично
использованных предметов елунинской культуры:

- 1 – фото вторично использованного струга с поселения Березовая Лука;
2 – микрофото рабочего края струга (следы от мездрения шкуры, $\times 16$);
3 – микрофото рабочего края лощила на струге (следы от лощения
кожи, $\times 16$); 4 – фото наконечника стрелы, вторично использовавшегося
в качестве проколки, из могилы №34 памятника Телеутский Взвоз-I;
5 – микрофото следов износа от использования в качестве проколки
на наконечнике стрелы ($\times 16$); 6 – микрофото острия наконечника,
использовавшегося в качестве проколки ($\times 32$)

Однако на орудии фиксируется и другой рабочий край, представленный образовавшейся на торце бывшей рукояточной части фаской. Данный рабочий край имеет признаки продолжительного контакта с мягким неабразивным материалом и, по всей видимости, свидетельствует об использовании данного предмета в качестве ложила по коже (рис.-3). Вероятно, что после поломки струга он мог вторично использоваться в качестве ложила. Второй возможный вариант – полифункциональный характер орудия и использование его и как струга, и как ложила, при условии поломки уже после использования в трудовых операциях.

Также вторично в качестве проколки был использован костяной наконечник стрелы с обломленным черешком из могилы №34 памятника Телеутский Взвоз-I (рис.-4). Острие этого наконечника в значительной степени скруглено и имеет заполировку, а на рабочей части сосредоточены многочисленные линейные следы, направленные параллельно длинной оси наконечника (рис.-5–6). Аналогичные следы от работы демонстрируют экспериментальные проколки, использовавшиеся для прокалывания кожи.

Подобная ситуация, подтверждающая переиспользование наконечников стрел в качестве проколки, имеется в материалах пещерного святилища на Камне Дыроватом, где 13 костяных наконечников были вторично использованы в качестве проколки [Сериков, Скочина, 2011, с. 8].

Таким образом, можно отметить факт вторичного использования костяных орудий в елунинской культуре. Очевидно также, что трасологический анализ представляется перспективной методикой для выявления переиспользованных и полифункциональных орудий.

Список литературы

Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – М. ; Л. : АН СССР, 1957. – 237 с.

Сериков Ю.Б., Скочина С.Н. Некоторые аспекты вторичного использования наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – №2 (15). – С. 4–10.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЛЕСОСТЕПНОМ АЛТАЕ В 2014 г.

*С.П. Грушин¹, А.В. Фрибус^{1,2}, Д.С. Леонтьева¹,
И.А. Вальков¹, В.О. Сайберт¹, Е.В. Трусова²*

*¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

*²Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Значительную информацию по истории древнего населения лесостепного Алтая дает изучение погребальных памятников. В 2015 г. экспедициями Алтайского и Кемеровского государственных университетов были продолжены исследования грунтового могильника Чумыш-Пережат, а также проведены работы на грунтовом могильнике Сигнал-1.

Могильник Чумыш-Пережат находится в Залесовском районе Алтайского края. В 2015 г. в южной части памятника обнаружены 8 погребений и ряд объектов, хронологически относимых к эпохам от неолита до раннего средневековья.

Погребения эпохи неолита производились в неглубоких ямах, практически на уровне дневной поверхности. Положение погребенных – вытянуто на спине, руки – в районе таза, фиксируется характерная особенность – ноги, «стянутые в коленях». Ориентировка – преимущественно на северо-восток (головой вниз по течению р. Чумыша). Инвентарь представлен теслами, костяными наконечниками стрел, копьями, кремниевым ножом, набором костяных изделий, ожерельем из зубов диких животных, резцом бобра, каменной сверленной подвеской с насечками по боковым сторонам, небольшой фигуркой-рыбкой, сделанной из перламутра. К андроновской культуре отнесена могила №14, в которой был похоронен ребенок на левом боку, головой на юго-запад, его

сопровождал керамический сосуд. К раннему железному веку отнесено погребение №15, оно было разрушено, в могиле найдены два керамических сосуда. Данное захоронение было перекрыто на уровне материка средневековым погребением (могила №16). Погребенный был уложен вытянуто на спине головой на юго-запад. У черепа располагались перевернутый керамический сосуд, набор из шести костяных наконечников стрел, бронзовая пластинка. В районе таза найдены фрагмент берестяного колчана с костяной пряжкой, бронзовые бляшки и фрагмент кожаного ремешка. Над черепом располагались два рога косули.

Могильник Сигнал-I расположен на правом берегу р. Плоской в Третьяковском районе Алтайского края. Надмогильные сооружения памятника Сигнал-I отличаются разнообразием. Здесь представлены округлые (могила №4) и овальные (могилы №3, 5–6) каменные ограды, различия отмечаются и в устройстве. Выделяются три варианта внутримогильных сооружений:

- каменный ящик, сооруженный из установленных на ребро плит (могилы №1–2);
- циста, сооруженная из небольших, уложенных друг на друга каменных плиток (могила №3);
- ямы без конструкций (могилы №4–7).

Погребальный обряд могильника Сигнал-I характеризуется трупоположением. Ввиду плохой сохранности костяков только в трех погребениях (могилы №4, 5, 7) удалось определить первоначальную ориентацию умершего – головой на запад. Погребальный инвентарь представлен глиняными сосудами. По характеру погребальных сооружений, обряду захоронения и обнаруженной в погребениях керамике памятник Сигнал-I относится к периоду средней бронзы и связан с андроновской культурно-исторической общностью. Погребения с каменными ящиками в лесостепном Алтае исследованы на других могильниках [Кирюшин, Шульга, 1996; Грушин, Леонтьева, 2013; Демин, Ситников, 2007; Могильников, 1980, 1999].

Таким образом, исследованные погребальные памятники позволили пополнить фонд источников по изучению различных периодов древней и средневековой истории Алтая.

Список литературы

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – С. 121–127.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул, 2007. – Ч. 1. – 273 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. – 1996. – №2. – С. 33–39.

Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 151–159.

Могильников В.А. Курганы Корболиха-I – памятники андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. – Барнаул, 1999. – С. 29–43.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ ЧАГЫРСКАЯ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2015 г.

А.П. Деревянко^{1,2}, С.В. Маркин^{1,2}, С.А. Гладышев¹

*¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;*

*²Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Чагырская пещера – один из самых западных из известных палеолитических памятников Северо-Западного Горного Алтая. Пещера расположена в пределах Ануйского блока (зоны), вблизи ее границы с Талицким блоком, в Чарышско-Инской зоне разлома, ограничивающего Талицкий блок с юга. Археологические комплексы пещеры Чагырская определены как принадлежащие сибирячихинскому индустриальному варианту среднего палеолита Алтая [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013].

В процессе полевого изучения на площади квадратов И-6 и К-6 была вскрыта толща отложений мощностью 2,5 м. Археологические, палеоантропологические и палеонтологические материалы обнаружены в стратиграфических подразделениях бв/1, бв/2, бб, ба и 5 средней части разреза.

В раскопе 2015 г. найдено значительное количество археологического материала (9295 экз. артефактов, из которых примерно 80% отходов производства (менее 2 см в наибольшем измерении)). Археологический материал среднепалеолитического облика связан с субаэральной толщей средней части разреза. Палеонтологический материал включает 7944 экз. фрагментов костей крупных и более 11000 экз. фрагментов костей мелких млекопитающих и птиц, полученных при промывке разобранных отложений. 17 экз. костей относятся к антропологическим находкам.

В результате раскопок 2015 г. увеличена коллекция мегафауны. Это носорог, мелкая и крупная кобаллоидная лошадь, бизон – як, северный и благородный олень, сибирский горный козел, архар. Есть единичные кости пещерной гиены, волка и лисицы. В целом остатки мегафауны из данных отложений позволяют реконструировать в период обитания здесь человека господство открытых степных ландшафтов. Наряду с этим, по долинам рек, в горных ущельях и, возможно, местами на склонах гор северной экспозиции могли сохраняться относительно небольшие участки лесных массивов. Также была пополнена коллекция остатков мелких млекопитающих, среди которых выделяются остатки обского лемминга и желтой пеструшки, соответствовавшие в отдельные интервалы среднего и позднего плейстоцена периодам наибольшего похолодания.

Значительным результатом раскопок следует признать обнаружение новых антропологических остатков, существенно дополнивших ранее полученную коллекцию костей человека из слоев 6а и 6в/2. Это одонтологический (первый премоляр, нижний моляр) материал и кости посткраниального (таранная кость, концевые фаланги стопы, кисти, фрагменты лучевых, локтевых, плечевых костей) скелета.

Новые материалы, обнаруженные в ходе раскопок 2015 г., значительно дополнили археологические, палеонтологические и антропологические коллекции памятника.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – №1 (53). – С. 89–103.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ В 2015 г.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В полевом сезоне 2015 г. исследование плейстоценовой толщи Денисовой пещеры было продолжено в восточной галерее. В дальней части галереи изучены отложения литологических слоев 9–17. По ряду признаков слои 11 и 12 разделены на стратиграфические горизонты 11.1–11.4 и 12.1–12.3 соответственно.

Археологические материалы обнаружены во всех стратиграфических подразделениях, за исключением слоев 10 и 17. Учитывая данные технико-типологического анализа каменной индустрии, стратиграфической ситуации и предварительных результатов абсолютного датирования, в культурно-хронологической колонке плейстоценовых отложений восточной галереи можно выделить четыре основных этапа обитания в пещере палеолитического человека.

Индустрия из слоев 15 и 14 соотносится с ранним средним палеолитом и характеризуется исключительно радиальным расщеплением, направленным на получение коротких и укороченных заготовок. Основу орудийного набора здесь составляют зубчато-выемчатый компонент и скребла.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий отражают материалы из отложений слоев 13, 12 и нижней части слоя 11. В этом комплексе доминирует параллельное плоскостное расщепление. В орудийном наборе преобладают изделия ле-

валлуа и различные типы скребел, при этом достаточно высоким остается удельный вес зубчато-выемчатого компонента. По фрагментам костей крупных млекопитающих со следами воздействия каменных артефактов из горизонтов 11.4 и 11.3 восточной галереи было получено пять открытых ^{14}C (AMS)-дат возрастом древнее нижнего временного предела работы метода. Очевидно, что формирование этих осадков происходило не позднее, чем в период кислородно-изотопной стадии 5, о чем также свидетельствует состав фауны мелких позвоночных из горизонта 11.4, отражающий наиболее теплую фазу казанцевского времени. Палеонтологические материалы из горизонта 11.3 демонстрируют переход к более холодным климатическим условиям ермаковского времени (кислородно-изотопная стадия 4).

Начальный верхний палеолит представлен материалами из верхних горизонтов слоя 11. Каменную индустрию данного комплекса, демонстрирующую сочетание средне- и верхнепалеолитического компонентов, сопровождает набор костяных и каменных украшений возрастом около 50 тыс. лет (согласно ^{14}C (AMS)-дате по кости 50300 $\pm$ 2200 л.н. (OxA-V-2359-16) из горизонта 11.2 в центральной части галереи).

Сформировавшиеся после длительного седиментационного перерыва отложения слоя 9 содержали индустрию заключительного этапа палеолитического времени с мелко- и микропластинчатым производством.

ТРЕТИЙ ГОРИЗОНТ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-VI

К.Ю. Кирюшин

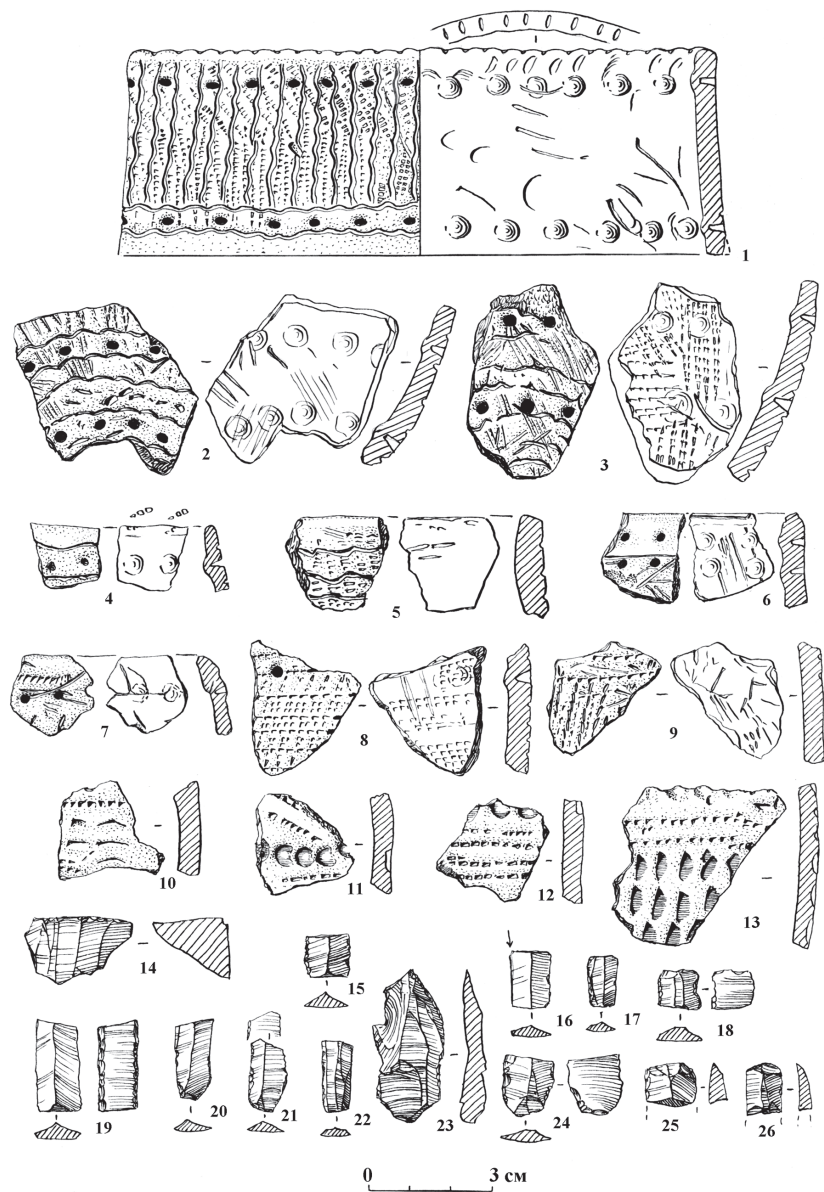
*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселение Новоильинка-VI находится в Хабаровском районе Алтайского края. В 2014 г. на поселении исследовано 96 кв. м. В площадь раскопа попали части трех жилищ. Хорошо выделяются два горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы; 2 – период функционирования жилища. Для первого горизонта получены радиоуглеродные даты: 4290 ± 95 л. т.н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т.н. (СОАН-9043) [Кирюшин, 2015б, с. 150].

Между жилищами №1, 2 и 3 выявлены следы легких наземных конструкций. Можно уверенно утверждать, что жилища второго горизонта врезаны в культурный слой более раннего времени (далее – горизонт 3). При зачистке поверхности объектов третьего горизонта на уровне 73–85 см от современной дневной поверхности собрана небольшая коллекция керамики (50 экз.) и каменных артефактов (31 экз.) (рис.).

По технике орнаментации и композиционному построению орнамента выделяются две группы керамики. Первая группа посуды имеет многочисленные аналоги и аналогии с «отступающе-накольчатой» керамикой, широко представленной в материалах первого и второго горизонтов поселения Новоильинка-VI [Кирюшин, 2015а, с. 34, рис. 3.-2; рис. 15.-1] и в коллекциях поселения Новоильинка-III [Кирюшин, 2015б, с. 152, рис. 1].

Материалы эпохи неолита поселения Новоильинка-VI:
1-13 – керамика; 14-26 – камень

Судя по фрагментам венчиков, керамика первой группы (40 экз.) представлена фрагментами не менее чем от семи сосудов (рис.-1, 4–7), орнаментированных прочерченными вертикальными и горизонтальными, прямыми и волнистыми линиями и рядами ямок (наколов) (рис.-1–6). В нескольких случаях сосуды декорированы горизонтальными рядами отступающей палочки с элементами накалывания (рис.-7). На крупном фрагменте венчика хорошо заметно, что вертикальные волнистые линии выполнены прочерчиванием, а горизонтальные – тем же орнаментом, но уже в отступающе-накольчатой технике (рис.-1). Прочерченные линии и ряды ямок часто нанесены поверх горизонтальных рядов шагающей гребенки (рис.-1, 8), отпечатки которой часто фиксируются на внутренней поверхности сосудов (рис.-3, 8). На внутренней поверхности и в сломках стенок сосудов фиксируются следы органики (рис.-1–3).

Керамика второй группы находит аналогии в материалах неолитических поселений Верхнего Приобья [Зах, 2003; Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015] и поселения раннего металла Барабинской степи Венгерово-3 [Молодин, 1985].

Керамика второй группы более фрагментарна (10 экз.) (рис.-10–13). На всех фрагментах гребенчатым (зубчатым) штампом выполнены горизонтальные ряды (рис.-10, 12–13), которые в одном случае сочетаются с диагональными (рис.-11). На трех экземплярах гребенчатый штамп встречается вместе с отпечатками, нанесенными полой косточкой (рис.-11–13). Хорошо заметно, что орнамент располагался под углом к поверхности сосуда. В процессе нанесения орнамента происходило наложение отпечатков. Каждый последующий на 1/4 или на 1/5 перекрывал предыдущий. В результате получалась сплошная линия из отпечатков полой косточки (рис.-10–13). На трех из фрагментов, помимо отпечатков гребенчатого штампа и полой косточки, проходят горизонтальные ряды оттисков лопаточки (рис.-13).

В керамике наблюдается смещение неолитических и энеолитических орнаментальных традиций.

Коллекции каменных артефактов содержат ударные площадки нуклеусов (рис.-14), пластинчатые отщепы (рис.-23).

Широко представлены пластины и орудия на пластинах (рис.-15–22, 24–26). Неолитический облик каменных артефактов третьего культурного горизонта поселения Новоильинка-VI не вызывает сомнений (рис.-14–26), но имеющиеся в нашем распоряжении коллекции пока нельзя назвать представительными. На поселении Венгерovo-3 в Барабе вместе с каменным инвентарем, имеющим ярко выраженный неолитический облик с большим количеством пластин, найдены три бронзовых предмета [Молодин, 1985].

На данном этапе исследования не вызывает сомнений относительная хронология третьего горизонта. Этот комплекс более ранний по отношению к материалам первого и второго горизонтов памятника. Его абсолютный возраст, скорее всего, укладывается в рамки IV тыс. до н.э., но это предварительное заключение может быть скорректировано после получения результатов радиоуглеродного датирования. Есть все основания надеяться, что при продолжении исследований поселения Новоильинка-VI будут получены более представительные материалы третьего горизонта и органика для радиоуглеродного датирования.

Список литературы

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень, 2003. – 168 с.

Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015а. – 4/1 (88). – С. 149–156.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015б. – №1 (61). – С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха 1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XXI. – Барнаул, 2015. – С. 116–124.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985. – 200 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

За столетний период изучения памятников андроновской культуры на территории степного и лесостепного Алтая обнаружен 61 погребальный памятник [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015]. Наиболее интенсивно археологами была исследована лесостепная зона, территория бассейна р. Оби и ее притоков. Степная зона и предгорья изучены хуже, однако данные регионы также достаточно перспективны в плане поиска новых могильников, что, в частности, подтверждается археологическими изысканиями последних десятилетий. Всего было раскопано более 700 погребений андроновской культуры, наиболее изученными являются могильники Фирсово-ХIV (более 200 погребений), Чекановский Лог-Х (154), Рублево-ХIII (103), Кытманово (80).

Исследование поселенческих комплексов не носило систематического характера. Раскапывались поселения Коровья Пристань-III, Ляпустин Мыс, Жарково-III, Большой Лог-I, Фирсово-ХV, Шляпово, Манжиха-2, Переезд [Абдулганеев и др., 2003; Кирюшин, Лузин, 1990; Кирюшин, Папин, Федорук, 2008; Грушин, Леонтьева, 2014; Удодов, 1991; Кирюшин, Кунгуров, 1996]. Образовался разрыв между различными источниками, что создает серьезные трудности при проведении широкого круга историко-культурных реконструкций. Вместе с тем выполненные обобщения обозначили место и значение андроновской культуры Алтая в общей системе древностей бронзового века Евразии [Кирюшин, 1986; Федорук, 2013]. Ю.Ф. Кирюшиным [1986] обозна-

чено ее положение между елунинской культурой ранней бронзы и свитой позднебронзовых культур, а также выделено две волны миграции: федоровская и федоровско-алакульская. Проведенное в последние годы радиоуглеродное датирование образцов из алтайских памятников показало значительное удревнение нижней границы андроновской культуры, что в принципе совпадает с показателями сопредельных территориях [Кирюшин, Папин, 2010].

Таким образом, можно сформулировать ряд исследовательских задач, направленных на преодоление существующих разрывов изучения андроновской культуры Алтая. Во-первых, необходимо провести раскопки на многослойных андроновских поселениях, имеющих четко выраженную стратиграфию и несколько строительных горизонтов, с целью установления внутренней хронологии объектов. Корреляция результатов позволит установить соотношения различных компонентов керамических комплексов. Во-вторых, не менее важно исследование однослойных памятников с целью получения информации о гомогенных комплексах и установления базовых элементов. В-третьих, отдельное направление составляют работы по датированию памятников с целью установления нижней даты культуры и решения вопроса о границе ранней и развитой бронзы Алтая. Также необходимо разрабатывать проблематику перехода к постандроновским памятникам, возникшего в результате образовавшегося хиатуса радиоуглеродной хронологии. В-четвертых, весьма перспективными представляются разработка хозяйственно-культурного типа андроновской культуры (разработка новой источниковой базы, доступной для верификации) и корреляция результатов с данными палеоантропологических исследований морфологии посткраниального скелета.

Перечисленные задачи являются только частью большого комплекса по разработке андроновской проблематики, но их системная реализация позволит создать фундамент для дальнейших работ.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зо-

нального района // Зональный район: история, люди и судьбы. – Барнаул, 2003. – С. 56.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс с поселения Фирсово-XV в Верхнем Приобье // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – №4/1. – С. 74–81.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 35 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на Верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул, 1996. – С. 22–27.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 42–56.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В. Некоторые вопросы радиоуглеродной хронологии памятников андроновской культуры Алтая // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск, 2010. – С. 19–21.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008. – С. 5–17.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов) : учебное пособие. – Барнаул, 2015. – 108 с.

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 74–76.

Федорук О.А. Погребальный обряд и социальная структура андроновского населения степного и лесостепного Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013. – 24 с.

ОГРАНКИ СКОЛОВ КАК ИНДИКАТОР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕВАЛЛУАЗСКИХ МЕТОДОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ В СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ПЕЩЕРЫ СТРАШНОЙ

*А.И. Кривошапкин, А.В. Шалагина,
К.К. Павленок, Г.Д. Павленок, С.В. Шнайдер*

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Многослойный палеолитический памятник пещера Страшная является одним из ключевых объектов при изучении традиций материальной культуры Алтайского региона на рубеже среднего и верхнего палеолита [Derevianko, Zenin 1997; Рыбин, Колобова, 2009]. С первых этапов изучения памятника в исследовательской литературе закрепилось представление о присутствии значительного леваллуазского компонента в каменных индустриях из средней и нижней пачки отложений стоянки, датированных средним палеолитом (слои 10–5) [Derevianko, Zenin, 1997]. Такие выводы были сделаны исследователями на основе присутствия в материальных комплексах ряда типичных леваллуазских форм (острий, отщепов). Однако развернутого технико-типологического анализа представительных категорий каменных артефактов не производилось. Учитывая многослойность памятника и возможность перемещения отдельных предметов в результате биотурбаций, ученые высказывали определенные сомнения относительно того, характерна ли леваллуазская технология для всех среднепалеолитических комплексов стоянки. Осложняет общую картину и отсутствие в коллекции нуклеусов, которые однозначно могут быть определены как леваллуазские. Решение вопроса о статусе

се леваллуазской технологии предполагает проведение технико-типологического анализа всей имеющейся коллекции артефактов и выявление основных технологий расщепления камня в разных хроностратиграфических подразделениях. В рамках данного исследования был проведен детальный анализ дорсальной огранки сколов-заготовок из нижней пачки отложений пещеры Страшной (слои 10–8).

В современной литературе сложились разные классификационные наработки, позволяющие выявить и охарактеризовать продукты леваллуазского расщепления. В данной работе для анализа огранок дорсальной поверхности сколов-заготовок принята классификация, разработанная для леваллуа-мустьерских комплексов Восточной Европы [Чабай, 2004; Усик, Чабай, 2015]. Она позволяет по состоянию дорсальной поверхности выявить случаи использования вспомогательных площадок на нуклеусе, что является яркой чертой леваллуазской технологии. В результате анализа сколов-заготовок по этому признаку было установлено, что огранки, ассоциирующиеся с леваллуазским расщеплением, составляют от 19 до 30% в индустрии сколов археологических комплексов слоев 10–8 пещеры Страшной (сл. 10 – 30%; сл. 9 – 19%; сл. 8 – 27%). К ним относятся дорсальные поверхности, несущие негативы дополнительных дистальных, латеральных, билатеральных, подперекрестных и перекрестных снятий со вспомогательных площадок, которые перекрывают предшествующие негативы с основных ударных площадок. В целом же в индустрии преобладает продольная огранка дорсальной поверхности (сл. 10 – 33%; сл. 9 – 39%; сл. 8 – 43%). Также среди огранок значительную роль играет конвергентная огранка (сл. 10 – 8%; сл. 9 – 10%; сл. 8 – 8%), а в слоях 10–9 значительна и доля ортогональных огранок (сл. 10 – 8%; сл. 9 – 16%).

В результате проведенного анализа удалось на технологическом уровне подтвердить высказанное ранее предположение о том, что леваллуазская технология играла значительную роль при расщеплении камня в индустриях нижних слоев пещеры Страшной. Для подтверждения полученных результатов и прояснения специфики реализации технологии на конкретном сы-

рьевом материале необходимо проведение детального технологического анализа других значимых категорий артефактов (нуклеидных форм, технических снятий и орудий). Полученные на настоящем этапе исследования результаты можно считать предварительными.

Список литературы

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариативность и эволюция // *Stratumplus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2009. – №1. – С. 33–78.

Усик В.И., Чабай В.П. Ограника сколов и нуклеусов в леваллуазских индустриях Крыма // *Методы изучения каменных артефактов*. – СПб. : ИИМК РАН, 2015. – С. 128–134.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариативность, восточно-европейский контекст. – Киев : Шлях, 2004. – 324 с.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition through the Example of the Altai Cave and Open air Site // *Suyanggae and Her Neighbours*. – Chungju, 1997. – P. 241–255.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Д.С. Леонтьева

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В настоящее время на территории лесостепного Алтая насчитывается 69 андроновских поселений [Леонтьева, 2013]. Информация по основной части памятников известна из результатов разведок. Поселенческие комплексы Большой Лог-I, Жарково-III, Коровья Пристань-III, Ляпустин Мыс, Манжиха-2, Оз. Гориное, Переезд, Советский Путь-I, Фирсово-XV, Чекановский Лог-III(a) являются базовыми для изучения андроновской культуры лесостепного Алтая, так как они исследовались в ходе раскопок. Основная часть материалов представлена керамикой, что обуславливает необходимость и перспективность изучения данного направления (керамических материалов). Нами разработана программа единообразного описания керамических серий, которая основывается на работах В.Ф. Генинга [1973], И.В. Рудковского [2010], и Н.А. и А.А. Ткачевых [2008]. Анализ проводился посредством методов статистической обработки и классификации керамического материала, что дает возможность объективного сравнения комплексов и сопоставления поселений между собой.

Были обработаны коллекции памятников Ляпустин Мыс (304 экз.) [Кадиков, Кирюшин, 1980; Леонтьева, 2015a], Коровья Пристань-III (609 экз.) [Кадиков, Кирюшин, 1980; Леонтьева, 2015b], Советский Путь-I (656 экз.) [Ситников, 1998] и Манжиха-2 (1348 экз.) [Демин, Ситников, 2005]. Определены основные формы сосудов – горшки и банки. Преобладали баночные формы (493 экз. – 84,9%), горшки встречались редко (88 экз. – 15,1%).

На основе рассмотренных памятников выявлены общие орнаментальные традиции бытовой посуды андроновцев лесостепного Алтая. Было учтено 45 орнаментальных бордюров, пять из которых – основные: каннелюры, горизонтальная елочка, вертикальная елочка, ямочные вдавления, горизонтальные линии. Они составляют 89,5% от всех учтенных. Геометрических элементов крайне мало. Основная часть декора наносилась в технике штампования – 62,9%. Установлено, что выбор орнаментальной композиции зависел от формы сосудов. Для банок в целом характерно простое композиционное построение. Горшки отличались богатой и разнообразной орнаментальной композицией. Поселенческая керамика выглядит проще, чем «нарядная» сакральная, из-за преобладания баночных форм в выборке. Несмотря на сходства, каждая керамическая серия своеобразна, что, скорее всего, отражает хронологические признаки.

В дальнейшем планируется сравнение коллекций андроновской поселенческой керамики лесостепного Алтая для выявления хронологических и локальных особенностей. Также предполагается использование историко-культурного подхода [Бобринский, 1978] для выявления гончарных традиций и процессов смешения населения.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – Вып. 3. – М. ; Л., 1973. – С. 53–64.

Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры из Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Вып. 1. – Барнаул, 2005. – С. 66–78.

Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследования археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу – 250 лет. – Барнаул, 1980. – С. 59–61.

Леонтьева Д.С. Картография поселений андроновской культуры лесостепного Алтая // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. – Владивосток, 2013. – С. 143–145.

Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс поселения Ляпустин Мыс на оз. Иткуль // Научный альманах. – Тамбов, 2015а. – №10-4 (12). – С. 247–251.

Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс поселения Коровья Пристань-III на оз. Иткуль // Известия Алтайского государственного университета. – 2015б. – №4-2 (88). – С. 106–111.

Рудковский И.В. Комбинаторика бордюрных симметрий в андроновских орнаментальных комплексах // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №4. – С. 213–221.

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 71–84.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск, 2008. – 304 с.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ВООРУЖЕНИЮ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

О.С. Лихачева

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

При изучении различных аспектов военного дела бесписьменных культур исследователи руководствуются, как правило, двумя основными источниками: вещественными и изобразительными. Находки предметов вооружения дают представление о конкретных его видах и типах, материале изготовления, форме, конструктивных особенностях. В свою очередь, изобразительные источники предоставляют сведения об изделиях, которые не дошли до нас либо в силу плохой сохранности, либо из-за особенностей погребального обряда. Они также могут содержать дополнительные данные об их конструкции, способах и месте ношения и тактических приемах использования. Таким образом, эти два вида источников дополняют друг друга и должны использоваться совокупно для получения максимально полной информации. На настоящий момент с территории лесостепного Алтая происходят семь изделий, которые могут быть привлечены при изучении вооружения и военного дела племен, населявших рассматриваемый регион в раннем железном веке.

Из Сибирской коллекции Петра I происходят золотая фигурка конного лучника, а также золотая пластина с кавалькадой всадников [Руденко, 1962, рис. 29; Завитухина, 1990, рис. 1]. Первая была приобретена Г.-Ф. Миллером на Кольвано-Воскресенском заводе. Данное изделие датируется V–IV вв. до н.э. [Завитухина, 1990, с. 21, 25]. Фигурка дает представление о следующих важных моментах: конструкции лука, его удержании, способе на-

тягивания тетивы и стрельбы из верхового положения. Точное происхождение золотой пластины с кавалькадой всадников, к сожалению, не известно. На изделии изображено семь всадников (два, по всей вероятности, ранены или убиты) [Руденко, 1962, рис. 29]. Данная находка дает важную информацию о применявшемся в то время доспехе. У воинов хорошо читаются покроя и конструкция панцирей, шлемы, наручи, поножи [Горелик, 1987, с. 114–115]. Кроме того, на ней представлены стрелковый комплекс, копьё и чекан.

Деревянные фигурки воинов происходят из могильника IV–III вв. до н.э. Бугры (курган №1) и также дают представление о защитном вооружении [Чугунов, 2014, илл. 1.-1-3]. Наиболее подробно по ним реконструируется конструкция шлемов. Также хорошо читается оформление верхней части панцирей – стоячие воротники.

Из могильника Староалейка-2 (могила №35) происходит бронзовая модель лука, являющаяся элементом поясной гарнитуры. Объект, из которого она происходит, датируется концом V – серединой IV в. до н.э. [Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 133–134, рис. 9.-4]. Ценность данного изделия сложно переоценить, поскольку на настоящий момент из памятников лесостепного Алтая не известно целых находок данного вида оружия. Рассматриваемое изображение позволяет судить о его конструкции и типе.

В рамках данной работы нами лишь представлен краткий обзор изобразительных источников и обозначены те виды вооружения, информацию о которых они содержат. Их более детальное изучение, а также создание графических реконструкций с их привлечением являются весьма перспективной задачей.

Список литературы

Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М. : Наука, 1987. – С. 110–133.

Завитухина М.П. Золотая фигурка конного лучника V–IV вв. до н.э. – художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. – Вып. LIV. – Л., 1990. – С. 21–25.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 115–134.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. – Вып. ДЗ–9. – М. ; Л., 1962. – 52 с.

Чугунов К.В. Захоронения «золотых людей» в традиции народов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследования) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : сборник науч. статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана : Сырдарья, 2014. – С. 714–725.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ ГОЛОЦЕНА ОБЬ-ИРТЫШЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

*В.И. Молодин, В.П. Мыльников, Л.С. Кобелева,
Д.А. Ненахов, Д.В. Селин, Л.Н. Мыльникова*

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Комплексное (мультидисциплинарное) изучение разнообразных материалов эпохи голоцена продиктовано задачей получения максимально возможной информации для разработки проблем культурно-исторических процессов в эпоху голоцена Обь-Иртышья и сопредельных территорий.

1. Морфологический анализ кельтов эпохи бронзы Западной Сибири предполагает три этапа исследования. Прделана работа по первому – историографическому.

В целом опыт морфологического анализа кельтов был заложен еще в трудах В.А. Городцова [1916], С.А. Теплоухова [1929], М.П. Чернецова [1947], М.П. Грязнова [1996] и др.

В.А. Городцов использовал форму сечения, вертикальные ребра жесткости, наличие или отсутствие маленьких ушек ниже устья втулки. М.П. Грязнов построил схему на анализе формы и орнаментации. В.И. Матющенко [Матющенко, Сеницына, 1988] рассматривал размеры, форму сечения втулки, наличие ушек, орнамент. М.П. Чернецов охарактеризовал особую технологию литья с использованием «упоров» и поперечной перегородки во втулке. Другие авторы: М.В. Горелик [1993], П.М. Кожин [1993], И.Г. Дураков [1995], Ю.Г. Кокорина, Ю.А. Лихтер [1995], – в своих работах применяют особую терминологию при описании и исследовании кельтов Сибири. На сегодняшний

день исследователями выделено шесть конструктивных блоков и 64 морфа (признака).

2. Проведено микроскопическое (бинокулярное) [Бобринский, 1978] исследование керамических коллекций памятников Барабы эпохи поздней бронзы: Тартас-1 (Та-1), Старый Сад (СС), Гришкина Заимка (ГЗ), Гандичевский совхоз (ГС), Абрамово-12 (А-12), Преображенка-3 (П-3), т.е. памятников, которые сегодня относятся к восточному варианту пахомовской культуры.

Для памятников ГЗ, А-12, П-3 зафиксирован один рецепт ФМ: Г+Ш+ОР, на материалах Т-1, ГС – по три рецепта. Отбор образцов (как количественный, так и качественный) определялся состоянием источника. Для памятников данной группы подобная работа проведена впервые.

3. Проанализированы материалы поселений Дубровинский Борок, Каменный Мыс и Ордынское-9, расположенных на территории Новосибирского Приобья [Троицкая, 1978; Троицкая, Бородовский, 1994]. Рассматривался вещественный комплекс этих объектов, проводился поиск аналогий датирующим предметам. Предложена нижняя дата для памятников бийского этапа большереченской культуры – VII–VI вв. до н.э. Определены черты перехода от бронзового века к железнному на юге Западной Сибири, проявившиеся в изготовлении керамики, в полном исчезновении орнаментальных традиций эпохи поздней бронзы, минимализации использования орнамента.

4. Комплексные исследования деревянных предметов кочевников раннего железного века Алтая показали, что обработка дерева во II в. до н.э. – V в. н.э. по-прежнему носила характер домашнего ремесла [Мыльников, 2014], хотя технико-технологический анализ материала позволяет высказать предположение о существовании специализации мастеров по отдельным отраслям деревообработки: строительное дело, плотницко-столярные работы [Мыльников, Тишкин, 2015].

Зафиксировано практически полное отсутствие предметов с художественной резьбой.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Горелик М.М. Оружие Древнего Востока. – М. : Восточная литература, 1993. – 352 с.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского Исторического музея за 1914 г. – М., 1916. – С. 59–104.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей (бронзовые кельты) // Антология советской археологии (1941–1956). – Т. III. – М., 1996. – С. 159–167.

Дураков И.А. К вопросу о технологии производства полого литья кулайской культуры // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск : НГПУ, 1995. – С. 107–112.

Кожин М.П. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело Юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1993. – С. 17–41.

Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие. – М. : Гриф и К, 1995. – Вып. 3. – 115 с. (Серия «Морфология древностей»).

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. – 134 с.

Мыльников В.П. Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). – М. : ИА РАН, 2014. – 160 с.

Мыльников В.П., Тишкин А.А. Футляры-хранилища для инструментов гунно-сарматского времени на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. II (XXI). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 341–345.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // МЭ. – Л., 1929. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 41–62.

Троицкая Т.Н. О северной границе распространения больше-реченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. – С. 46–55.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Больше-реченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск : Наука, 1994. – 184 с.

Чернецов В.Н. Опыт типологии западно-сибирских кельтов // КСИИМК. – Вып. 17. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 65–78.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОБРАБОТКИ ГОРЕЛЫХ И ОБУГЛЕННЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В.П. Мыльников

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Археологические деревянные предметы, подвергшиеся действию огня в результате ритуальных обрядов или грабительских воздействий, несмотря на неприглядный вид, хранят на своих поверхностях много ценной информации. Их изучение имеет свои особенности, обусловленные плохой сохранностью древесины: деформация, чрезмерная хрупкость и мягкость структуры. Глубокий черный, матовый или бархатистый цвет поверхности скрывает все мелкие следы инструментов обработки, значительно затрудняет их выявление. Чтобы неосторожным движением не повредить артефакт и тем самым не уничтожить важную информацию, необходимо все время соблюдать повышенную осторожность при работе с ним. Эти факторы зачастую препятствуют проведению полноценного исследования и получению максимальных сведений об источнике. В свое время при работе с горелыми фрагментами досок гроба со сценами охоты из склепа 1 могильника раннего железного века Тепсей 3 [Грязнов, 1980, с. 89–120] нами был приобретен определенный опыт, которым мы сочли нужным поделиться с коллегами. Живописные изображения на этих досках выполнены в основном тончайшими кривыми и прямыми линиями, прорезанными тонким лезвием ножа (резец) на глубину 1–2 мм.

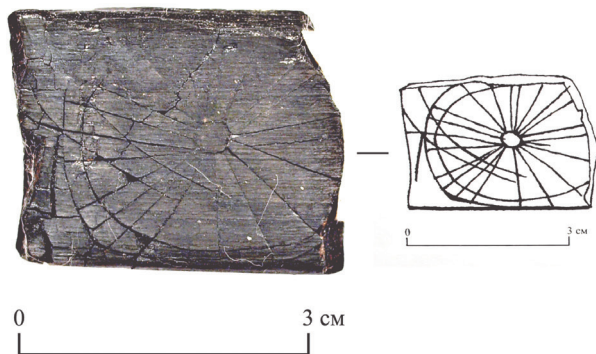
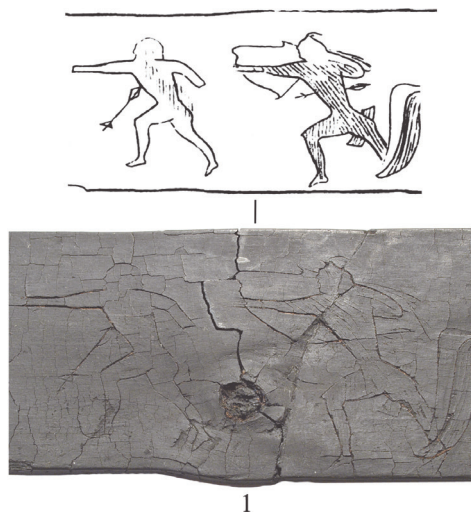
Осмотр предмета и выявление следов. Поскольку огонь, особенно слабоинтенсивный (тлеющий), долго воздействуя на древесину, разрушает не только ее поверхность, но и структуру, возникает много ложных следов, напоминающих своими очертаниями истинные отпечатки инструментария деревообработки. Поэтому каждый след, прежде чем его идентифицировать, необходимо тщательно несколько раз рассмотреть и убедиться в его истинности. Несмотря на очень плохое состояние фрагментов сгоревших деревянных предметов, внимательный многоразовый осмотр позволяет выявить некоторые операции: первичные – резьба, резание (долбление), сверление; вторичные – шкурение.

Важное значение как при выявлении следов (особенно тонкой резьбы – граффити), так и их макросъемки имеет использование низко направленного (косого) яркого пучка света от осветительного прибора. Высоту и угол освещения предмета нужно подбирать эмпирическим путем, поместив его на вращающийся столик и медленно поворачивая в разных направлениях. При этом обязательно применение набора луп большого и малого диаметров разной степени увеличения.

Фотофиксация следов. При фотофиксации следов обработки дерева желательно использовать специальный фотостол для бестеневого съемки и фотоаппарат с макрообъективом, установленный на жестком штативе. Основной (рисующий) источник освещения нужно установить в тех же параметрах (расстояние, высота, угол наклона), которые были определены в процессе выявления следов. Поскольку изучаемый предмет абсолютно черный и не имеет света и тени, для выявления дополнительных деталей необходимо вводить плюсовую поправку экспозиции на несколько значений.

Например, сравнительный анализ получившегося фотографического документального резного изображения на горелом фрагменте доски с графическими рисунками позволяет увидеть все мельчайшие ненамеренные неточности, привнесенные художником в силу своего видения деталей плохо различимого образа (рис.)¹.

¹ Автор сердечно благодарит к.и.н. С.В. Панкову за предоставленную возможность работы с уникальным материалом.

Сравнительный анализ фото- и графического изображений на горелых досках из склепа 1 могильника раннего железного века Тепсей 3 [Грязнов, 1979]: 1 – фрагмент сцены охоты; 2 – изображение колеса со спицами (соляренный знак?)

Список литературы

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск : Наука, 1979. – С. 89–146.

ОБЖИГ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Л.Н. Мыльникова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Обжиг керамической посуды – одна из «узких технологических задач» в структуре гончарного производства [Бобринский, 1978, с. 14; Цетлин, 2013, с. 117–121]. В российской археологии изучение данного процесса не имеет единого подхода.

Совершенно очевидно, что перед каждым археологом, который объектом своего изучения изберет технологию производства посуды, станет выбор, какой из методик ему следует придерживаться. В литературе прозвучала критика И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной [2013, с. 57] в адрес сибирских археологов, которые «основное внимание уделяют использованию инструментальных методов». По их мнению, анализ проводится на ограниченной выборке образцов, а результаты переносятся на всю совокупность изделий. Кроме того, отмечены недостаточность и дороговизна анализов [Васильева, Салугина, 2013, с. 57]. Авторы видят основы культурно-исторического подхода в использовании эксперимента, который может повторяться многократно, «поэтому его результаты проверяемы и объективны» [Васильева, Салугина, 2013, с. 57–67]. Мне представляется, что применение одного метода недостаточно для решения данной проблемы. Опыт экспериментальных самарских

экспедиций это доказывает (см., например: [Волкова, 2014]). Получение разноплановой информации – дополнительная возможность для реконструкций. Очевидно, что объективность выводам придают результаты методов естественных наук.

Среди методов естественного профиля для изучения закрепительной стадии гончарства, кроме петрографического, который эффективно работает с материалами, обожженными при высоких температурах, репрезентативную информацию представляет дериватограмметрический анализ. Но результатом применения этого метода предлагается не широко распространенное на сегодняшний день определение температуры обжига, а количественная модель, описывающая изменения потери массы образцом за счет термических превращений при костровом обжиге и последующих химических превращениях при длительном пребывании в почве [Drebushchak, Mylnikova, Drebushchak and Boldyrev, 2005; Физико-химическое исследование керамики..., 2006].

Сравнительный анализ сохранности глинистых компонентов в формовочных массах для определения *качества обжига* сосудов был проведен на материалах базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку: городище Чича-1, поселения Линево-1 и Мыльниково.

Результаты термограмметрических измерений представлены в графическом виде, где по оси X отложена потеря массы при дегидратации (m_1), а по оси Y – потеря массы за счет разложения гидроксидов (m_2) (рис. 1).

Анализ результатов показывает, что: 1) коллекция каждого памятника по качеству обжига очень разнопланова: есть сосуды с очень хорошим обжигом, и есть плохого качества, но преобладают изделия среднего; 2) коллекции памятников похожи друг с другом; зачастую, сосуды из разных памятников имеют одинаковую потерю массы; 2) обжиг керамической посуды остается костровым; все новшества, отмечаемые для теплотехнических устройств, связанных с бронзолитейным производством, не коснулись обжиговых устройств гончаров.

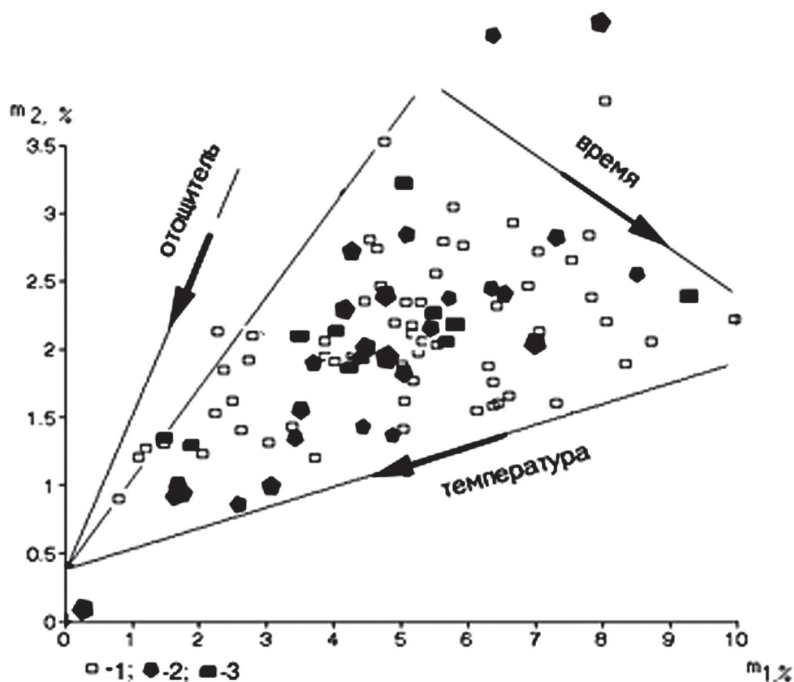

Диаграмма сохранности глинистого компонента образцами керамики по результатам термогравиметрических измерений:
1 – керамика городища Чича-1; 2 – керамика поселения Линево-1;
3 – керамика поселения Мельниково

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век : материалы Междунар. полевой научной конференции. – Ульяновск : Обл. типография «Печатный двор», 2013. – С. 57–68.

Волкова Е.В. Роль эксперимента в изучении обжига глиняной посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань : Отечество, 2014. – С. 136–140.

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / Дребущак В.А. и др. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с. (Интеграционные проекты СО РАН, вып. 6).

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М. : ИА РАН, 2012. – 384 с.

Drebushchak V.A., Мыльникова Л.Н., Drebushchak T.N. and Boldyrev V.V. The investigation of ancient pottery Application of thermal analysis // Journal of Thermal Analysis and Calorimetry. – 2005. – Vol. 82. – С. 617–626.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЧАЖНЫХ УСТРОЙСТВ В СТРУКТУРЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

М.С. Нестерова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В структуре жилищного комплекса очаг занимает структурообразующее место и является повсеместно распространенным феноменом. Анализ развития таких универсалий на широком хронологическом срезе позволяет дополнить наши сведения об отдельных элементах системы жизнеобеспечения, связанных не только с хозяйственной и производственной деятельностью древнего населения, но и с особенностями адаптации коллективов к окружающей среде.

В выборку были включены материалы поселений саргатской, большереченской, кулайской, иткульской культур, расположенных в лесостепной зоне Западной Сибири. Всего учтено 36 поселенческих комплексов, 123 очажных устройства. Объекты исследовались методами математической статистики: формализация, суммарная характеристика, коэффициент сопряженности.

Исследование очажных устройств в структуре поселенческих комплексов эпохи раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири позволило выявить следующие общие тенденции в сфере теплотехники:

1) стандартизация строительных в целом и теплотехнических в частности традиций, выражающаяся в унификации раз-

меров, морфологических параметров конструкций, однообразии способов их сооружения;

2) появление нового для данной территории способа устройства очага на искусственном возвышении или «материковой» подушке;

3) выделение производственных помещений со специализированными теплотехническими устройствами;

4) искусственное ограничение очажного пространства деревом, дерном;

5) появление теплотехнических сооружений с дымоходом (чувалов);

6) усложнение организации надочажной и околоочажной зон;

7) маркирование производственного участка ритуальными комплексами со следами жертвоприношений.

Вместе с тем практически для каждой культурной группы, связанной с определенной экологической нишей, формируется маркирующий способ устройства очага. Определение культуродиагностирующих типов очагов позволило по-новому оценить степень культурного взаимовлияния разных групп древнего населения. Сравнение динамики в сфере теплотехники в лесостепной и таежной зонах Западной Сибири показало сохранение консервативности населения северных регионов, где в раннем железном веке по-прежнему преобладали простые наземные или углубленные очаги без дополнительных конструкций. Это подтверждает высказанный В.М. Массоном [1989, с. 28] тезис о том, что развитие теплотехники в первую очередь связано с развитием производства (металлургического, керамического) и формированием ремесла как экономической системы. Очевидно, доступность сырьевой базы, более тесное культурное взаимодействие, необходимость совершенствования бронзолитейного производства, освоение металлургии железа привели к усложнению специализированных теплотехнических устройств в культурах лесостепной зоны Западной Сибири.

Список литературы

Массон В.М. Первые цивилизации. – Л. : Наука, 1989. – 268 с.

НОВАЦИИ В ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ НА АЛТАЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (по материалам поселения Бурла-3)

Д.В. Папин, А.С. Федорук

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Открытие в степном Алтае керамики, изготовленной на гончарном круге, стало важной вехой в изучении вопросов этнокультурного взаимодействия региона эпохи поздней бронзы. Основная проблематика развернувшейся дискуссии заключалась в оценке роли и значения нового компонента. Достаточно четко определилась связь с южными земледельческими центрами, и была предложена новая модель культуругенеза, получившая название «бурлинский тип памятников» [Удодов, 1996].

В настоящее время на территории Алтайского края известно около 20 поселений эпохи поздней бронзы, на которых зафиксировано наличие подобной посуды. Несмотря на различную долю «круговой» посуды в комплексах этих поселений, следует отметить, что в единичном количестве она присутствует практически на всех изученных большими площадями позднебронзовых поселениях степного Алтая и примыкающих к нему территориях (Рублево-6, Новоильинка, Советский Путь-1, Чекановский лог-1, Жарково-1, Жарково-3, Калиновка-2, Калиновка-4, Суслово-1, Курейка-3, Песьянов мыс, Гусинная Ляга, Гилево-2, Бурла-3, Кайгородка-3 и др.). Наибольший процент такой посуды в комплексах отмечается в Северной Кулунде в материалах «бурлинского типа» памятников, наиболее изученным из которых является поселение Бурла-3, где по результатам раскопок В.С. Удодова ее доля достигала 60%, а по результатам наших раскопок 2013–2015 гг. – существенно больше (приближается к 90%).

К сожалению, достоверно говорить о форме сосудов невозможно в силу малочисленности крупных фрагментов «круговой» посуды. По материалам бурлинских памятников В.С. Удодовым реконструированы следующие типы форм сосудов: горшки, хумы, кувшины, миски. Наши данные этому не противоречат. Интересной особенностью данной керамики, помимо прочего, является практически полное отсутствие орнаментации. Только в коллекциях поселений Бурла-3 и Новоильинка имеется ряд фрагментов с орнаментом. Так, на поселении Бурла-3 один фрагмент украшен двумя широкими каннелюрами в зоне шейки сосуда, второй – тремя прочерченными линиями в зоне тулова сосуда. Отдельно стоит выделить два фрагмента (возможно, от одного сосуда) с поселения Бурла-3 и два с поселения Новоильинка, они орнаментированы пальцевыми защипами – схемой и техникой орнаментации, характерной для саргаринско-алексеевской керамики. Вместе с тем нередко на поверхности фрагментов «круговых» сосудов прослеживаются следы ангоба – дополнительной обмазки слоем жидкой глины. В связи с этим можно предположить, что основной традицией украшения керамики для создателей «круговой» керамики было ангобирование, а наличие в редких случаях иного орнамента – попытки «приближения» декора к традициям саргаринско-алексеевского населения. Также местной особенностью является изготовление сосудов лепным способом с последующей подправкой на гончарном круге (определения В.Г. Ломана).

В 2015 г. авторами на поселении Бурла-3 исследован участок, связанный с гончарным производством. На это указывают находки остатков глиняных формовочных масс, теплотехническое сооружение, предназначавшееся для обжига готовых изделий, многочисленный производственный мусор (керамический шлак, оплавившиеся фрагменты сосудов, фрагменты костей, многочисленные скопления глины, обожженные в разной степени). Особо важным представляется наблюдение здесь за процессом изготовления посуды на гончарном круге. Собственно этим фактом и можно объяснить аномально высокую концентрацию данной керамики на поселении Бурла-3, подобная ситуация на других памятниках эпохи поздней бронзы региона не известна.

Исходя из особенностей обнаруженных материалов мы можем предположить, что производство керамики на круге было рассчитано на потребности жителей не только поселка, но и за его пределами. Многочисленные находки керамического шлака в жилой зоне поселения указывают на то, что производственная площадка занимала большую территорию (чем изучено вторым раскопом) и связана с краем террасы.

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Феномен появления в степном Алтае керамики, изготовленной на гончарном круге, относится к эпохе поздней бронзы и маркирует вектор южных связей с населением земледельческих центров Средней Азии. На технологическом уровне производства керамики зафиксированы факты смешения местных и пришлых традиций. По-видимому, основным центром концентрации пришлого населения являлась долина р. Бурлы, но воздействие было распространено на всю территорию региона. Новое население не оказало существенного влияния на процессы культуругенеза, так как уже к финалу бронзового века эта традиция затухает.

Список литературы

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. – 21 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А. Археологические исследования в степном Алтае в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXI. – Новосибирск, 2015. – С. 263–267.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Э.М. МЕДНИКОВОЙ В 1960-е гг.

Т.С. Паришкова

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Одним из периодов интенсивного изучения археологических памятников Алтая стали 1960-е гг. Работы проводились как сотрудниками ведущих научных центров страны, так и местными учреждениями, среди которых особое место занимали краеведческие музеи. Штаты некоторых из них располагали ставкой специалиста-археолога, что позволяло привлечь компетентные кадры при решении вопросов комплектования археологических фондов и проведения разведочных и аварийно-спасательных работ на памятниках. В 1960-е гг. изыскания от Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) проводила Эльвина Михайловна Медникова, закончившая Пермский университет и пришедшая в 1965 г. в музей на должность археолога [Список..., 1966]. В 1967 г. ею был организован археологический кружок при музее [Годовой..., 1969, л. 41–42], где проводились теоретические занятия по археологии. Посещавшие занятия обучались методам обработки археологических материалов и ведения полевой документации. Это не только позволило провести ряд раскопок с привлечением школьников, но и способствовало возникновению у молодого поколения интереса к древнейшему прошлому края.

В 1968 г. на основании Открытого листа №98 Э.М. Медникова являлась руководителем экспедиции АККМ, основная задача которой состояла в проведении аварийных раскопок могильника в с. Бобровке Первомайского района и разведки по р. Чарышу в Усть-Пристанском районе, плохо изученных в археологическом отношении [Медникова, 1968, л. 1]. Как отмечается в отчете,

сроки экспедиции пришлось резко сократить из-за начавшейся в районе проведения работ эпидемии ящура. В тот год были начаты раскопки поселения Обские Плесьи I и Бобровского грунтового могильника [Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, с. 69–70]. В ходе работ исследовано 24 погребения, получен большой объем археологических источников. Материалы раскопок хранятся в фондах АККМ. В результате разведки по р. Чарышу зафиксировано пять памятников археологии (у с. Усть-Пристань, д. Мокрушино, с. Колово), в том числе открыто городище Елбанка [Медникова, 1968, л. 12; Абдулганеев, 2001, с. 80–88], проведены сборы подъемного материала.

В 1969 г. Эльвина Михайловна продолжала начатые исследования. В марте во время командировки в Томский государственный университет были получены антропологические определения для черепов из Бобровского грунтового могильника, а в апреле Э.М. Медникова участвовала в сессии Института археологии АН СССР в Ленинграде по итогам летних экспедиций [Годовой..., 1969, л. 21–24]. Летом продолжились раскопки Бобровского грунтового могильника (исследованы четыре погребения) и произведена разведка в Усть-Пристанском районе, в результате которой зафиксировано пять новых памятников (у с. Усть-Чагырка, с. Усть-Белая, с. Маралиха, с. Харлово и на горе Маяк). Осуществить весь запланированный на 1969 г. объем работ (предполагались раскопки на городищах Елбанка и Аллак) не удалось из-за отсутствия необходимых средств.

Исследования, начатые Э.М. Медниковой в 1960-е гг., в последующем были продолжены. На многих памятниках, открытых ее экспедициями, работали археологи АлтГУ. Изучение материалов, содержащихся в архивах, в комплексе с уже имеющимися публикациями, материалами музейных собраний даст новые данные, с помощью которых возможно воссоздание целостной картины истории археологических исследований на Алтае во 2-й половине XX в.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая. – Вып. 6. – Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2001. – С. 80–88.

Годовой отчет о работе Алтайского краеведческого музея (г. Барнаул) за 1969 г. // Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). – 1969. – Ф. 1041. – Оп. 1. – Д. 675. – 63 л.

Медникова Э.М. Отчет об археологической разведке Алтайского краеведческого музея (Усть-Пристанский район) в 1968 г. // Алтайский государственный краеведческий музей. – НВФ 4062а. – 30 л.

Список личного состава музея // КГКУ ГААК. – 1966. – ФР. 288. – Оп. 2. – Д. 54. – 1 л.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 69–88.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ БАЛИНСКОЕ 73

Т.М. Пономарева, С.Ж. Рахимжанова
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселение Балинское 73 находится в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 24,9 км к северу от с.п. Селяярово. Археологический памятник открыт в 2012 г. М.Ю. Барановым (ООО НПО «Северная археология», г. Нефтеюганск) [Баранов, 2013], в 2015 г. Т.М. Пономаревой проведены раскопки поврежденной части памятника на площади 1016 кв. м.

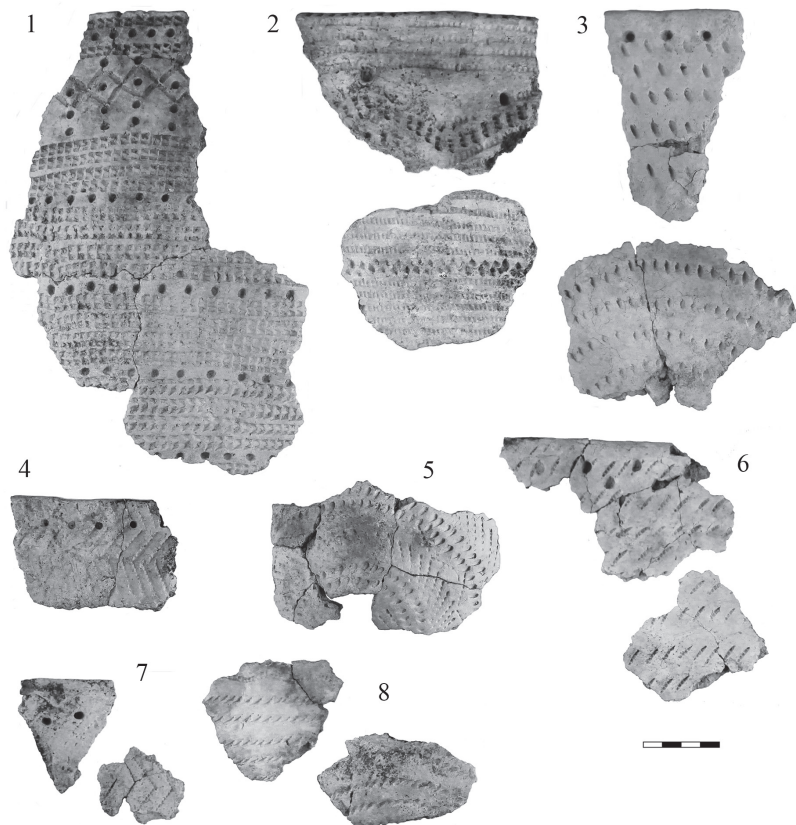
Керамическая коллекция представлена 134 фрагментами венчиков, стенок и днищ от 8 разных сосудов. Судя по фрагментам днищ, три сосуда круглодонных, два – плоскодонных. Судя по обломкам верхних частей, 8 имеющихся сосудов относятся к закрытым формам.

По форме и характеру орнаментации сосуды относятся к кульеганскому типу керамики, выделенному в Среднем Приобье [Челякин, 1999, с. 24, 28; Стефанов, 2002, с. 109], который отнесен к раннему этапу бронзового века [Борзунов и др., 2011, с. 68].

Целью данного исследования является реконструкция гончарных традиций населения этого памятника на подготовительной стадии технологического процесса.

Для технологического анализа керамики были отобраны фрагменты от восьми разных сосудов (рис.).

Исследование проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978, 1999] и его последователями. Наблюдения велись по свежим изломам черепков с помощью микроскопа МБС-10.

Фрагменты сосудов из поселения Балинское 73

В результате исследования выявлена следующая технологическая информация.

Исходное сырье. По особенностям навыков отбора исходного сырья выделено использование гончарами двух видов глин: высокой пластичности – гл. 1 (50%), средней пластичности – гл. 2 (50%). Оба вида глин характеризуются средней железненностью, но различным составом естественных минеральных примесей.

Выявленные по степени пластичности и составу естественных примесей особенности глин позволяют предположить, что местные гончары использовали не менее пяти условных «мест» добычи (или вариантов) исходного пластичного сырья.

Формовочная масса. В качестве искусственных минеральных примесей использовался шамот (100%): крупный 1 : 3 (12,5%), крупный 1 : 4 (62,5%), средний 1 : 3–4 (12,5%), шамот некалиброванный 1 : 4 (12,5%). В качестве искусственных органических примесей формовочной массы вносился органический раствор трех видов: органический раствор 1 (12,5%), органический раствор 2 (25%), органический раствор 3 (62,5%).

Анализ состава искусственных добавок указывает на применение гончарами рецепта составления формовочной массы: «глина + шамот + органический раствор» (100%).

Таким образом, население поселения Балинское 73 было однородным. Различия в размерности и концентрации шамота, а также использование нескольких видов органических растворов, скорее всего, свидетельствуют о наличии нескольких гончаров или нескольких групп гончаров.

Список литературы

Баранов М.Ю. Отчет о НИР. Натурное археологическое исследование на Приобском месторождении нефти в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югра Тюменской области в 2012 г. – Нефтеюганск, 2013.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999. – С. 5–109.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №2. – С. 55–69.

Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут : МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. – С. 97–112.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). – Екатеринбург, 1999. – С. 5–73.

МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

А.А. Редников

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Задачи, решаемые на данный момент с применением геофизических методов в археологических исследованиях, огромны. Это и идентификация, и определение условных границ археологических памятников, и выявление разрушений археологических объектов (как природное, так и антропогенное), и моделирование археологических объектов на базе геофизических построений средствами ГИС-технологий (пространственные реконструкции по данным магнитометрии), и др.

Алтайский государственный университет включился в эту работу в конце 2014 г., когда Лабораторией междисциплинарного изучения археологии Южной Сибири и Алтая было приобретено оборудование для магнитометрической съемки: магнитометр градиентометр Foerster Ferex 4.032 DLG (производство Германия) в комплекте с КПК и специальными программами для визуализации и обработки данных съемки. Феррозондовый магнитометр градиентометр Foerster Ferex 4.032 DLG имеет как встроенный фильтр для работы под ЛЭП, так и специальный режим для поиска вдоль заборов, трубопроводов и железнодорожных путей. Немаловажным является наличие у прибора функции режима фильтрации небольших объектов.

Данный прибор позволяет работать в режиме простого поиска и в режиме записи данных, используя для этого от одного до четырех каналов (зондов). Режим записи данных имеет восемь линейных диапазонов: от 0 до 3 нТл – 0 до 10000 нТл и один логарифмический диапазон. Частота выборки FEREX 4.032 DLG: до 100Гц / канал, разрешение < 0,2нТл. Высокая частота замеров

(10 замеров в секунду) позволяет выполнить съемку в движении, а производимая в автоматическом режиме запись данных (через каждые 10 см площади) упрощает процесс магнитной съемки.

В полевой сезон 2015 г. группой археологов АлтГУ были сделаны выезды в Первомайский, Змеиногорский, Хабарский и Локтевский районы Алтайского края с целью апробации геофизического оборудования, а также корректировки методики высокоточной магнитной градиентной съемки для данного прибора (за основу была взята методика коллег из ИНГГ) [Дядьков и др., 2005] на участках запланированных раскопов для выявления и обеспечения точной пространственной привязки археологических объектов, выявления останков различных археологических конструкций, а также аномалии грунтов.

В течение всего полевого сезона проведены геофизические исследования на различных типах памятников археологии (грунтовый могильник Фирсово-ХIV, грунтовый могильник Малый Гоньбинский Кордон-1/5 (МГК-1/5), поселение Колыванское-1, грунтовый могильник Сигнал, поселение Бурла-3, курганный могильник Бурла-2, поселение Переезд, поселение Советский Путь), которые расположены в различных природных зонах (степная, лесостепная, предгорная). На начальном этапе использования прибора удалось получить представление о возможностях градиентометра в различных условиях: разные по составу грунты и степень их намагниченности; различный рельеф местности.

Результатом исследований стало построение результирующей матрицы данных для каждого исследованного памятника, определение магнитного фона, выявление помех и магнитных аномалий, предположительно связанных с археологическими объектами. Дальнейшие контрольные археологические раскопки позволяют подтвердить или опровергнуть сделанные предположения.

Список литературы

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XI, ч. I. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 304–309.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ МОНГОЛИИ

Е.П. Рыбин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Единственным способом определения характера поселенческих систем и обработки камня в Монголии пока, по существу, является анализ соотношения основных категорий каменных артефактов. Применение этой методики было описано ранее [Рыбин, Колобова, 2004]. Учитывая все существующие ограничения при ее применении и интерпретации, все же можно принимать ее результаты как определенное приближение к реконструкции производственной деятельности человека при эксплуатации камня. Мной рассматриваются стратифицированные комплексы из Северной и Центральной Монголии, относящиеся к финалу раннего верхнего палеолита – позднему верхнему палеолиту в хронологическом промежутке 30,000–13,000 л.н.

Можно отметить, что наиболее многочисленные в количественном отношении ассамбляжи известны для долины Толбора, в остальных индустриях размеры коллекций не превышают 2000 артефактов, а чаще всего их количество, учитывая все чешуйки и обломки, не превышает 1000 предметов (табл.). Так как эпизоды заселения были неоднократны, это может говорить о кратковременности пребывания человека на стоянках. В Монголии тот показатель, который мы называем эффективность утилизации нуклеусов, крайне низок: только от 4,6 до 0,8 орудий приходится на один нуклеус. Очевидно, деятельность по производству орудий не была приоритетом на монгольских объектах. Об этом же говорит соотношение орудий и неретушированных предметов, что можно определить как интенсивность

оформления орудий на стоянке. На одно орудие приходится от 1 : 8 до 1 : 50. Несколько меньше неретушированных предметов на одно орудие мы обнаруживаем на Орхоне. Очень велико на монгольских стоянках количество сколов, приходящихся на один нуклеус. В долине Толбора этот показатель составляет от 30 до 50 сколов, в долине Орхона он несколько меньше. Что касается доли орудий, то она относительно мала (от 2 до 11%): этот процент заметно ниже, чем у кратковременных охотничьих лагерей и поселенческих комплексов РВП Южной Сибири, где орудия составляли от 18 до 30% всех коллекций. Как правило, в монгольских ассамбляжах очень много чешуек и осколков, в большинстве стоянок они составляют от трети до половины коллекций. Помимо специфики производственной деятельности это может свидетельствовать либо о низком качестве сырья, либо об особенностях используемой технологии, требовавшей отделения большого объема исходного сырья.

Соотношение основных категорий каменного инвентаря
избранных стратифицированных комплексов
позднего палеолита Монголии

Памятник/ культурный слой	Артефакты, всего	Formal artifacts*	Нуклеусы: орудия*	Орудия: сколы + нуклеусы*	Нуклеусы: ско- лы + орудия*	Нуклеусы, %*	Сколы, %*	Орудия, %*	Чешуйки, %**	Осколки + об- ломки, %**
Толбор 4/гор. 4	6848	4433	1:4.6	1:11.1	1:55	1.8	90	8.2	14.8	20.5
Толбор 4/гор. 3	3483	2423	1:4.1	1:9.7	1:43	2.3	88.4	9.3	18.6	11.8
Толбор 15/гор. 5	3364	1697	1:1	1:46	1:45	2.2	95.7	2.1	29	20.5
Толбор 15/гор. 3–4	6838	2886	1:0.8	1:50	1:36	2.7	95.3	2.	36.6	21.2
Харганын Гол 5/гор. 4	1390	765	1:1.2	1:13.2	1:16	5.5	82.9	6.7	37.4	7.6
Харганын Гол 5/гор. 3	1068	606	1:5	1:9.5	1:53	2	94.6	10.1	31.9	7.6
Орхон 1, Р. 1, 2/гор. 2	1204	851	1:2.1	1:9.6	1:22	4.3	86.3	9.4	н.д	29.3
Орхон 1, Р. 3/гор.2	2718	2039	1:1	1:15	1:15	6.4	87.3	6.3	н.д	25
Орхон 7, Р. 3/гор. 2	384	266	1:1.4	1:9	1:13	7.1	82.7	10.2	н.д	30.7
Мойлтын ам/гор. 2	299	249	1:1	1:8	1:8	10.8	77.9	11.2	н.д	16.7
Мойлтын ам/гор. 1	639	478	1:2.8	1:11.2	1:33	2.9	88.9	8.2	н.д	25.2
Чихэн-агуй/гор. 2	1385	764	1:1.3	1:21	1:28	3.4	92	4.6	42.2	2.7
Цаган-агуй/сл. 2	167	69	1:2.6	1:7.6	1:22	4.3	84.1	11.6	н.д	58.7

* Без учета чешуек, осколков и обломков;

** % относительно всей коллекции.

Для обсуждаемых стоянок характерна высокая интенсивность редукции нуклеусов, сопровождаемая очень большим количеством осколков и чешуек, при этом очень малое количество сколов переоформлялось в орудия. В целом данная картина, характерная для всех толборских стоянок, позволяет уверенно определять их как мастерские на выходах сырья. При этом, учитывая низкий для мастерских процент нуклеусов, представляется возможным предположить, что подготовленные нуклеусы уносились с территории мастерской. Лишь только некоторые объекты могут быть охарактеризованы как кратковременные стоянки – это относится к долине Орхона и стоянкам из Гобийского Алтая. Таким образом, спектр деятельности, который реконструируется на основе планиграфии стоянок и соотношения категорий инвентаря, весьма узок и говорит о высокой мобильности населения. Вероятнее всего, нам доступен лишь фрагмент возможного спектра человеческой деятельности.

Список литературы

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №4 (20). – С. 20–34.

МЕТОДЫ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В.О. Сайберт

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселения и жилища для древнего человека – это то пространство, в котором он был защищен от негативного воздействия окружающей природной и социальной среды. Традиции и особенности домостроительства древнего населения находятся в центре внимания исследователей с самого начала археологического изучения. В процессе накопления информации возникла необходимость в упорядочении данных о жилищах, создании классификаций, обобщении методик исследования [Еньшин, 2010, с. 39].

Особый интерес представляют моделирование и реконструкция древних жилищ. Цель работы состоит в рассмотрении методик реконструкции жилищных комплексов в трудах отечественных исследователей. Для выполнения поставленной цели первостепенной задачей стало описание и выделение основных методических особенностей процессов воссоздания.

В своих построениях исследователи используют разные методики. К самым распространенным можно отнести метод условных реконструкций, который базируется на умозрительных выводах автора раскопок и редко выходит за рамки графической реконструкции общего вида сооружения. Метод условных реконструкций рассматривается как ступень на пути к построению натурной модели древнего жилища [Еньшин, 2010, с. 40–42].

Метод физического моделирования наименее распространен в современной экспериментальной археологии. Главной частью метода физического моделирования является технологиче-

ский эксперимент – воссоздание моделей древних объектов или процессов с возможностью применения современных методов и средств [Еньшин, 2010, с. 42–43].

Первый опыт моделирования жилых сооружений Западной Сибири описан в монографии В.И. Молодина и И.Г. Глушкова «Самусьская культура Верхнего Приобья». В 1987 г. участниками экспериментальной экспедиции была воспроизведена модель жилища в натуральную величину в полевых условиях [Молодин, Глушков, 1989, с. 13].

На территории Барнаульско-Бийского Приобья известно около 30 поселенческих комплексов одинцовской культуры (поселения и городища) (2-я половина IV – VIII в.). Весьма перспективным для реконструкции является городище Малый Гоньбинский Кордон-2/6-2 общей площадью 3368 кв. м, поскольку на его территории изучено 30 построек как хозяйственного, так и жилищного назначения. Для графической интерпретации внешнего облика городища была начата обработка полевой документации, выделены конструктивные особенности построек. Реконструкции позволят восстановить домостроительные традиции раннего средневековья рассматриваемого региона [Казаков, Грушин, Сайберт, 2015, с. 312–315].

Список литературы

Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – №1 (12). – С. 39–48.

Казаков А.А., Грушин С.П., Сайберт В.О. Малый Гоньбинский Кордон 2/6 – новый памятник одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул, 2015. – С. 312–315.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989. – 168 с.

**АНАЛИЗ ФОРМОВОЧНОЙ МАССЫ КЕРАМИКИ
НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА
ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам памятника Старый Сад,
Барабинская лесостепь)**

Д.В. Селин

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В ходе археологических работ на памятнике Старый Сад (Венгеровский район, Новосибирская область) обнаружено 59 керамических сосудов, отнесенных к восточному варианту пахомовской культуры. Большая часть материала утеряна, и для анализа остались доступны образцы от 10 сосудов. Вследствие фрагментарности данных анализ может быть проведен только для типов исходного сырья и состава формовочной массы.

Все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей встречены бурый железняк (5 экз.), слюда (1 экз.), известняк (1 экз.). Различия в исходном сырье проявляются в степени запесоченности. Так, пять образцов могут быть отнесены к среднезапесоченным, три – к низкозапесоченным и два – высокозапесоченным. Подобные данные могут свидетельствовать о том, что сырье добывалось в пределах одного района, но из разных залежей.

В качестве минеральной примеси во всех образцах зафиксирован шамот, который в восьми случаях не калибровался (размерность от 0,5 до 6 мм), а в двух – калиброван по верхней границе (размерность от 0,5 до 3 мм). Различия проявляются и в концент-

рации. Так, в четырех случаях концентрация составляет 1 : 4 и 1 : 5/6, для двух образцов – 1 : 7/8. В семи образцах обнаружен шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивой традиции добавления этой примеси. Органическая примесь обнаружена во всех экземплярах, в девяти случаях представлена органическим раствором из навоза жвачных животных и в одном – навозом в сухом виде.

Таким образом, по результатам анализа формовочной массы определено два рецепта:

глина + шамот + органический раствор (9 экз.);

глина + шамот + навоз (1 экз.).

В целом в ходе анализа выявлены достаточно устойчивые традиции отбора исходного сырья и составления формовочных масс населением восточного варианта пахомовской культуры. Только в одном случае рецепт отличался от других добавлением сухого навоза, что может свидетельствовать как об импорте сосуда, так и о включении в среду пахомовского населения гончара с иной гончарной традицией.

Также анализ технологии гончарного производства проведен для культур переходного времени от бронзового к железному веку [Мыльникова, Чемякина, 2002; Мыльникова, 2015]. Во всех составах формовочных масс разных культур в качестве минеральной примеси присутствует шамот, что не позволяет считать его наличие спецификой какой-то конкретной культуры этого времени. Для изделий ирменской и позднеирменской культур в Барабинской лесостепи достаточно характерно отсутствие органики (26 и 48% соответственно) [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 27–34], в то время как в керамике восточного варианта пахомовской культуры подобного рецепта не зафиксировано. Помимо этого, такое исследование проведено и для керамики пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье, где зафиксировано 10 рецептов формовочных масс [Илюшина, 2015, с. 144], основу которых составляют шамот и органический раствор. Подобное сходство в составлении рецептов может объясняться как генетической близостью культурных групп (пахомовская), так и эпохальными тенденциями (ирменская, позднеирменская).

Список литературы

Илюшина В.В. Гончарное производство населения пахомовской культуры Нижнего Приоболья // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. – С. 143–147.

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 42 с.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

*Н.Н. Серегин, В.В. Горбунов,
О.С. Лихачева, Т.С. Паршикова*

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В полевом сезоне 2015 г. Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета проведены исследования в Чемальском районе Республики Алтай. Комплекс реализованных мероприятий включал раскопки известных погребальных и поминальных объектов, а также обследования с целью выявления новых памятников.

Основные работы проводились на погребально-поминальном комплексе Чобурак-I. Данный памятник расположен на правом берегу р. Катунь, в 3,4 км к югу – юго-востоку от устья р. Тыткескень, к юго-западу от ручья Чобурак, в 3,6 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Комплекс Чобурак-I ранее исследовался экспедициями Алтайского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН. В результате этих работ вскрыто около 20 сооружений, однако их единой нумерации не выработано [Бородовский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008]. Во избежание путаницы погребальные и поминальные объекты, раскопанные в полевом сезоне 2015 г., получили порядковые обозначения 1–4. Проведенные исследования позволили детализировать характеристики сооружений до раскопок, представлявших собой небольшие каменные насыпи без каких-либо отличительных признаков.

Раскопанные объекты комплекса Чобурак-I демонстрируют особенности культуры кочевников Алтая в различные хронологические периоды. Кольцевые, рядом стоящие и одиночные ограды

(№1–2, 3) встречаются на раннетюркских памятниках рассматриваемого региона (Кара-Коба-I, Верх-Чепош-I, Чендек, Биченег, Ороктой-эке и др.) [Васютин, 1983, с. 115; Соенов, Эбель, 1992, с. 19; Могильников, 1994, с. 94–116; и др.]. Датировка некоторых из них по находкам характерных предметов уверенно определяется в рамках 2-й половины V – VI в. н.э. [Могильников, 1994, с. 100; Горбунов, Тишкин, 2002, с. 178–179; Тишкин, Серегин, 2011]. Несмотря на отсутствие датирующих вещей, исследованные кольцевые сооружения могут быть отнесены к этому же хронологическому периоду. Данному утверждению не противоречит облик обнаруженных фрагментов керамики. Раскопанное погребение кургана №4 также было безынвентарным. Вместе с тем совокупность показателей обряда захоронения (каменная насыпь небольших размеров, неглубокая могила, каменный ящик, скорченное положение умершего, ориентировка в западный сектор горизонта) указывает на хронологию комплекса в рамках завершающего этапа скифо-сакского периода или хуннского времени. Этой датировке в целом не противоречат результаты радиоуглеродного анализа, проведенного в ИМКЭС СО РАН.

Помимо раскопок, в полевом сезоне 2015 г. проведено подробное обследование местности на участке Чемальского тракта от с. Чемала, до впадения р. Бийка в р. Катунь. В ходе разведки осуществлен мониторинг ряда известных комплексов, а также выявлены два ранее не известных курганных могильника и два одиночных кургана. Новые памятники являются достаточно перспективными для дальнейшего изучения, поскольку при визуальном осмотре насыпей не выявлено следов ограбления или разрушения.

Список литературы

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 75–82.

Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 16 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. – Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2002. – С. 43–46.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 94–116.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 4. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 54–66.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. – Горно-Алтайск : Изд-во ГАГПИ, 1992. – 116 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 6. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 14–32.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НИЖНЯЯ КАЯНЧА

М.Ю. Соломонова

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Археологический памятник Нижняя Каянча представляет собой курганный могильник, в пределах которого визуально можно выделить семь курганных насыпей. Открыт объект был в мае 2009 г. в зоне строительства автодороги Ая – Бирюзовая Катунь в деревне Нижняя Каянча (Устюба) [Тишкин и др., 2011, с. 243].

Территория исследования в ботанико-географическом плане находится в границах Алтайской провинции, Северо-Алтайско-таежно-лесостепной подпровинции, Нижне-Катунского таежно-лесостепного округа, Алтайского лесостепного района, который расположен в нижнем течении Катуни в полосе предгорий Северного Алтая [Огуреева, 1980, с. 45]. Археологический объект расположен на левобережье Катуни, которое представляет собой плосковершинное плоскогорье (от 400 до 700 м над уровнем моря).

Основу растительного покрова территории представляют луговые степи и остепненные луга на типичных оподзоленных и выщелоченных черноземах, которые сочетаются в составе лесостепных участков с березовыми и осиново-березовыми лесами. В пойме Катуни у с. Устюба (Нижняя Каянча) растут ивовые и березовые леса.

В 2011–2012 гг. на территории поселения проведены фитолитные исследования и выявлен лесной характер растительности для территории до момента сооружения объекта [Соломонова и др., 2012, с. 63].

Во время археологических работ в кургане могильника были обнаружены обугленные фрагменты древесины, определение которых выполнено в 2015 г. Два фрагмента для исследования взяты возле наконечников стрел, один фрагмент – из заполнения могилы под крестцом.

Для определения использована база данных микрофотографий срезов древесины А.А. Гольевой. В ходе микроскопических исследований выявлено, что обугленные фрагменты древесины относятся к двум объектам.

Древесина первого типа принадлежит сосне обыкновенной *Pinussilvestris* и имеет отчетливые годичные кольца и смоляные ходы. Так как в почвах курганного могильника не обнаружено фитолитов хвойных, как и в фоновом разрезе почв [Соломонова и др., 2012, с. 62], то это растение не могло произрастать в непосредственной близости к могильнику.

Древесина второго типа находилась как вблизи наконечников стрел, так и в заполнении могилы под крестцом. По микроморфологическому строению этот объект принадлежит представителям розоцветных, скорее всего, это фрагменты древесины *Padusracemosa* (черемухи обыкновенной), которая является как декоративным, так и плодовым растением.

Таким образом, древесина, обнаруженная в кургане могильника Нижняя Каянча, не принадлежит произрастающим в его окрестностях видам в современное время.

Список литературы

Огуреева Г.Н. Ботаническая география Алтая. – М. : Наука, 1980. – 192 с.

Соломонова М.Ю., Силантьева М.М., Сперанская Н.Ю., Кирюшин К.Ю. Фитолитный анализ археологического памятника раннего железного века «Нижняя Каянча» // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №3 (2). – С. 60–64.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Предметный комплекс из памятника скифо-сакского времени Нижняя Каянча на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии территорий. – Т. XVII. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 243–247.

ПАЛЕОПОЧВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ

*М.Ю. Соломонова¹, К.Ю. Кирюшин^{1,2},
М.М. Силантьева¹, Н.Ю. Сперанская¹*

*¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

*²Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Несмотря на длительный срок постантропогенной эволюции, почвы археологических объектов сохраняют свидетельства прошлых культур и не могут принять свой первоначальный облик. Наибольшими изменениями в современном состоянии характеризуются почвы мест длительного проживания человека, а также места древних захоронений [Махонина, Валдайских, 2006, с. 221].

Два синхронных друг другу памятника энеолита Новоильинка-III и Новоильинка-VI имеют высокую историческую ценность, так как этот исторический период на территории Северной Кулунды изучен недостаточно как в археологическом, так и в палеоэкологическом плане [Кирюшин и др., 2013, с. 156].

Для изучения палеопочв этих двух поселений использовались два метода. Первый, фитолитный анализ, был применен для реконструкции растительного покрова и его изменения под влиянием энеолитического человека. Второй метод – химический, изучение почвенных растворов путем прямой потенциометрии, использован для выявления различий между отдельными объектами поселений.

В результате фитолитных исследований на данный момент с поселения Новоильинка-III получено семь фитолитных профилей, для поселения Новоильинка-VI – три профиля.

В фитолитных профилях поселения Новоильинка-III с глубиной уменьшается роль фитолитов степных злаков и увеличивается роль форм луговых, лесных злаков, а также в нижних слоях культурного горизонта в большом количестве (до 20%) присутствуют фитолиты хвойных. В верхних слоях фитолитного профиля с поселения Новоильинка-VI доминируют фитолиты степных злаков и фитолиты в форме палочек, не имеющие систематической специфичности. На глубине культурного слоя увеличивается количество фитолитов луговых и лесных злаков. Фитолиты хвойных встречаются начиная с культурного горизонта, но в незначительном количестве.

Таким образом, на территории поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI в эпоху энеолита произрастали более мезофитные сообщества. На месте археологического объекта Новоильинка-III, возможно, был разреженный лес с сосной и березой. На территории поселения Новоильинка-VI в большей степени были развиты луговые сообщества.

В результате химического анализа почв этих поселений наибольшие различия выявлены по содержанию ионов кальция как в различных культурных объектах самих поселений, так и между культурными объектами и естественной почвой. Культурные слои и жилища поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI характеризуются увеличением содержания ионов кальция, что, возможно, связано с антропогенным преобразованием почвы.

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Комплексные археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – №4-1 (80). – С. 156–164.

Махонина Г.И., Валдайских В.В. Археологическое почвоведение в системе знаний о взаимоотношении человека и природы // Известия Уральского государственного университета им. А.М. Горького. – 2006. – №50. – С. 220–224.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ВЫБОРЕ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И ПОДГОТОВКЕ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

Н.Ф. Степанова^{1,2}, Я.В. Фролов²

*¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;*

*²Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Керамика – важнейший источник информации, который позволяет изучать проблемы взаимодействия населения, миграции и ряд других. В 2015 г. в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [1978; 1999] продолжены исследования керамических комплексов раннего железного века из Барнаульского Приобья, в результате которых получены данные, позволившие выделить новые традиции в изготовлении керамики этого района в рассматриваемую эпоху.

Проведен технико-технологический анализ керамики. В общей сложности изучено свыше 120 сосудов с поселений Фирсово-IV, VI, X, XV, XVII и Малый Гоньбинский Кордон-I, поселение 1 (далее МГК I-1) и могильника Фирсово-XIV. Исследованы венчики от закрытых банок или чашек с небольшим диаметром горловины, в основном украшенных по краю одним рядом жемчужника без разделения или с разделением отпечатками уголка лопаточки, палочки и др.

В ходе исследования выявлены культурные традиции в навыках отбора исходного сырья и составления формовочных масс. Установлено, что использовалось ожелезненное сырье, которое незначительно различалось по цвету и существенно по пластич-

ности. По последнему критерию прослеживаются две традиции: использование пластичного и низкопластичного сырья. На всех памятниках преобладают сосуды из пластичной глины, однако количество изделий из низкопластичного сырья различно. В частности, на Фирсово-XVII изделий из такого сырья 17%, на Фирсово-X – 18%, на Фирсово-XV – 27%, на Фирсово-XIV – 38%, а на Фирсово-IV, VI и МГК I-1 они не выявлены. По использованию минеральных примесей отмечено три традиции: добавление шамота, дресвы и изготовление сосудов без искусственно введенных минеральных примесей. В пластичные глины вводили шамот, а в одном случае зафиксирована дресва (Фирсово-XIV). Не добавляли минеральные примеси в низкопластичное сырье. Обнаружен лишь один сосуд из такого сырья, в формовочные массы которого был введен шамот (Фирсово-XV).

Из изученных сосудов, изготовленных из низкопластичного сырья, нет изделий, относящихся к каменной культуре и имеющих смешанные каменно-староалейские черты. Все изделия из низкопластичного сырья по форме и орнаментации относятся к староалейской культуре. Отметим, что использование низкопластичного сырья не характерно для керамики раннего железного века лесостепного и степного Алтая [Степанова, 2015; Степанова, Фролов, 2015]. Возможно, что традиция применять низкопластичное сырье связана с населением, пришедшим с территорий, где преобладает глиноподобное сырье с большим количеством естественных примесей. Не исключено, что сосуды из низкопластичного сырья изготавливали на раннем этапе существования староалейской культуры, в период, когда еще сохранялись навыки в изготовлении керамики, выработанные в местах предыдущего расселения, впоследствии замещенные новыми традициями изготовления глиняной посуды.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999. – С. 5–109.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. – 2015. – Вып. 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамические традиции в эпоху раннего железного века Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая (по материалам поселений) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – №4/2 (88). – С. 166–171.

ПЛАНОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ С ПОМОЩЬЮ РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫХ СПЕКТРОМЕТРОВ

А.А. Тишкин

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Одним из направлений деятельности созданной в АГУ Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая является исследование древних и средневековых металлических предметов. Кроме портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), имеется стационарный комплекс X-Арт М (фирма-изготовитель «Комита», Россия), который сначала работал в тестовом режиме и демонстрировал качественные характеристики археологических находок, а затем на нем была установлена программа для фиксации количественных параметров основных цветных металлов. Стоит надеяться, что использование двух приборов позволит не только сравнивать и контролировать получаемые показатели, но и более эффективно изучать разнообразные изделия. Полученная объективная информация даст возможность существенно продвинуться в процессе реконструкции особенностей технологического прогресса [Тишкин, 2015а].

Зафиксированные и частично опубликованные результаты рентгенофлюоресцентного анализа главным образом были связаны с изучением экспонатов, хранящихся в собраниях музеев Алтайского края. Исследовались коллекции изделий из цветных металлов, которые находятся в МКУК «Шелаболихинский рай-

онный музей» [Тишкин, 2015б; Тишкин, Сёмкина, Черепанова, 2015; Тишкин, Тишкина, Сёмкина, 2015], МКУК «Районный краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха) [Тишкин, Фролов, 2015б–в] и МБУК «Мамонтовский районный краеведческий музей». Тестировались отдельные предметы из Белокурихинского городского музея им. С.И. Гуляева [Тишкин, 2015в] и МБУК «Тюменцевский районный историко-краеведческий музей» [Тишкин, Фролов, 2015а]. В Музее истории развития горного производства им. А. Демидова (г. Змеиногорск) проведена работа по получению сведений о химическом составе многочисленных металлических деталей конского снаряжения раннескифского времени. Получен существенный объем данных, требующий системной обработки. Он дополняет имеющиеся материалы по аржано-майэмирскому времени Алтая и сопредельных территорий. Отдельным проектом стало изучение металлических вислообушных топоров эпохи бронзы, которые обнаружены на юге Западной Сибири. Впервые определен состав сплавов некоторых изделий из музеев Алтайского края. Такая работа может быть целенаправленно продолжена. Аналогичные топоры обнаружены в Казахстане, Средней Азии, Синьцзяне, Монголии и других регионах.

Определенную сложность для изучения представляли средневековые изделия. Среди них особое место занимают позолоченные украшения конского снаряжения из памятников, раскопанных А.М. Илюшиным в Кузнецкой котловине. Для фиксации технологии амальгамирования использовался вышеупомянутый рентгенофлуоресцентный спектрометр X-Арт М, с помощью которого удалось показать использование ртути (рис. 1 и 2) на серии предметов. Кроме этого, продолжено изучение значительной по объему коллекции из памятника Проспихинская Шивера-IV (Нижнее Приангарье) [Сенотрсова, Мандрыка, Тишкин, 2015].

Кратко перечисленные и другие полученные результаты направлены на формирование базы данных о химическом составе древних и средневековых изделий Сибири.

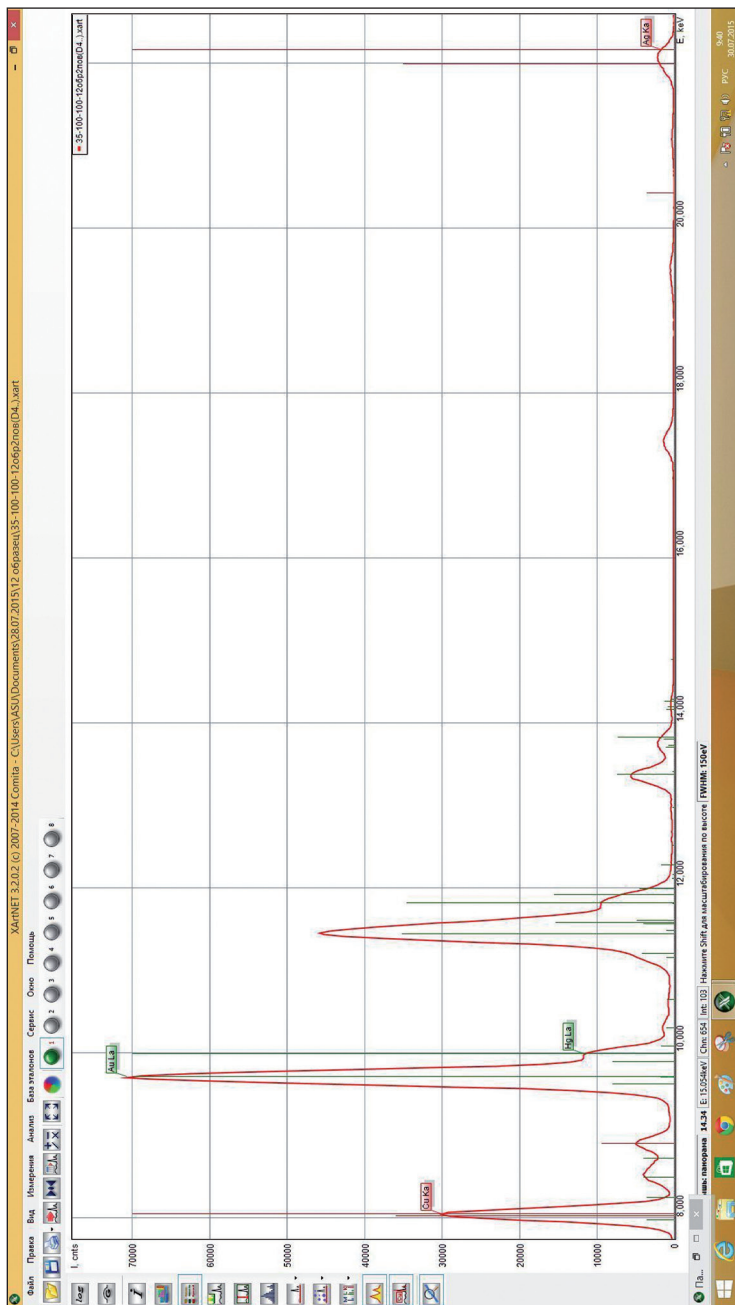

Рис. 1. Спектральный анализ лицевой поверхности образца №12

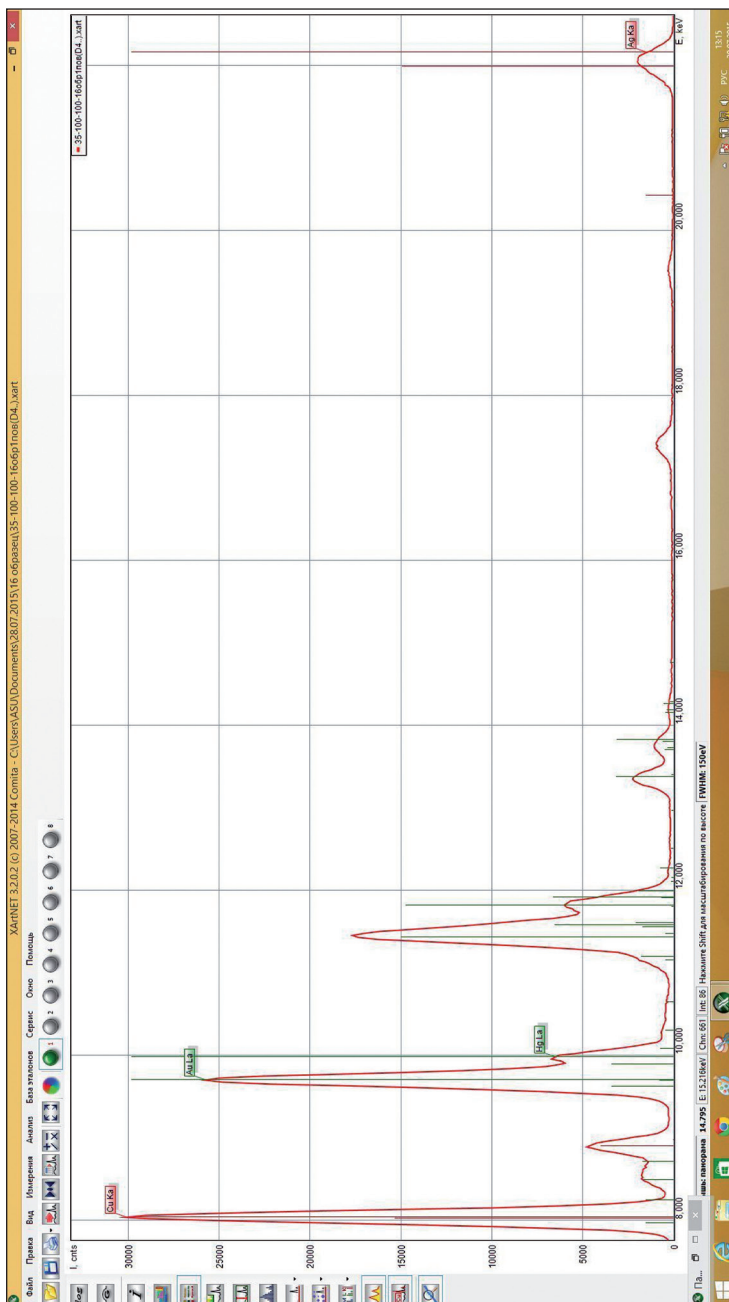

Рис. 2. Спектральный анализ лицевой поверхности образца №16

Список литературы

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – №2 (43). – С. 116–125.

Тишкин А.А. Использование портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра при изучении древних и средневековых изделий из цветного металла с территории Большого Алтая // Геоархеология и археологическая минералогия-2015. – Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН, 2015а. – С. 34–37.

Тишкин А.А. О необходимости изучения археологических предметов, хранящихся в муниципальных музеях Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XXI. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015б. – С. 246–250.

Тишкин А.А. Металлический трехдырчатый псалий из предгорий Алтая (по материалам Белокурихинского городского музея им. С.И. Гуляева) // Теория и практика археологических исследований. – 2015в. – №2 (12). – С. 163–170.

Тишкин А.А., Сёмкина Т.П., Черепанова Т.М. Коллекция раннесредневековых изделий в Шелаболихинском районном музее // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XXI. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 246–250.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Сёмкина Т.П. Археологическая коллекция в Шелаболихинском музее Алтайского края // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул ; Омск : Изд. дом «Наука», 2015. – С. 54–58.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Новая находка вислообушного топора с территории Лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2015а. – №1 (11). – С. 135–144.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Металлические орудия труда эпохи бронзы из археологического собрания МКУК «Районный краеведческий музей им. В.М. Комарова (с. Волчиха Алтайского края) // Теория и практика археологических исследований. – 2015б. – №2 (12). – С. 171–180.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Рентгенофлуоресцентный анализ наконечников стрел из археологического собрания МКУК «Районный краеведческий музей им. В.М. Комарова (с. Волчиха Алтайского края) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015в. – С. 144–147.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ В 2015 г.

*А.А. Тишкин¹, В.В. Горбунов¹, Н.Н. Серегин¹,
Т.С. Паршикова¹, О.С. Лихачева¹, Ч. Мунхбаяр²*

*¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

*²Ховдский государственный университет,
Ховд, Монголия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

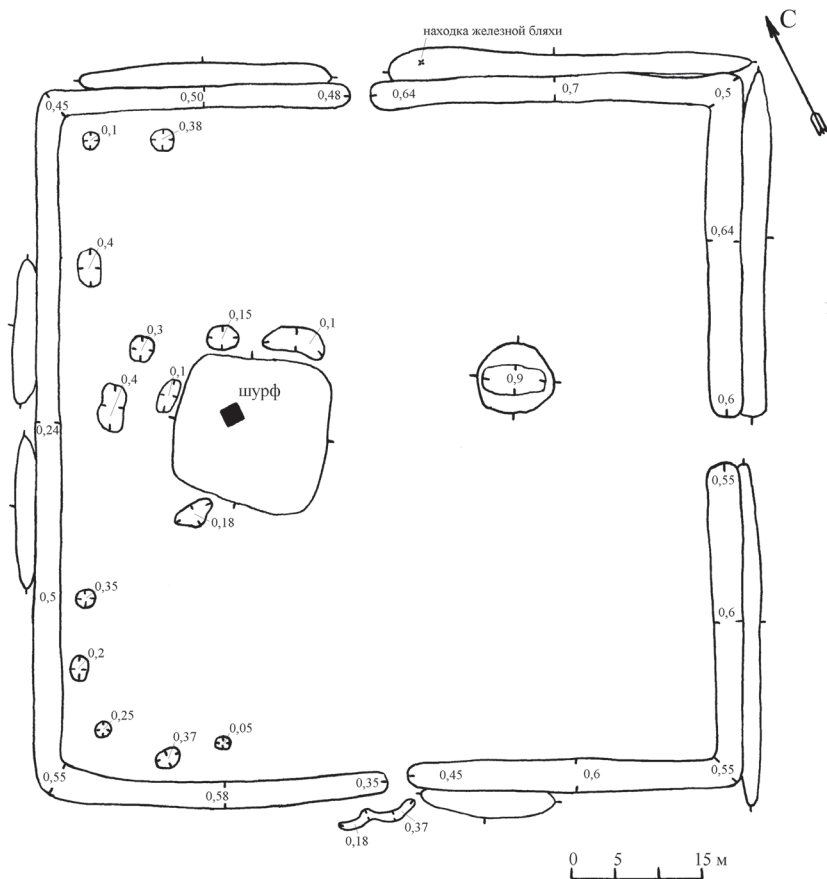
В полевом сезоне 2015 г. были реализованы плановые археологические исследования в Монголии. Основными направлениями деятельности стали мониторинг, выявление и фиксация древних и средневековых памятников на территории Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков для формирования и наполнения конкретным содержанием культурно-хронологической схемы изучения истории Монгольского Алтая. Наряду с разведками, в отдельных пунктах производились раскопки.

Основным регионом обследований в Баян-Ульгийском аймаке стали перспективные участки около границы с Китаем в долине Годон-Гола (Хотон-Гол) и у нескольких высокогорных озер (Сагсай и Уланхус сомоны). Часть археологических объектов уже известны специалистам. При этом удалось обнаружить ряд новых памятников, датируемых эпохой бронзы, ранним железным веком и средневековьем. Обследовано городище Даян-Нур (рис.), упомянутое путешественником, ботаником и географом конца XIX – начала XX в. В.В. Сапожниковым. Оно располагается на территории современной пограничной заставы.

Одним из исследованных объектов стала тюркская ограда на комплексе Годон-Гол-4. До раскопок она представляла собой одиночное сооружение подквадратной формы без каких-либо визуально фиксируемых дополнительных конструкций. Зачистка позволила выявить ограду, основу которой составляли стенки из

вертикально установленных плит. Внутри нее среди камней обнаружены несколько фрагментов от керамического сосуда, а также кость животного. Также зафиксированы две параллельно вкопанные на ребро плитки, образывавшие часть небольшого «ящика», южнее которого в центре оградки выявлена яма с деревянным столбом. Исследованный комплекс по своим конструктивным особенностям находит многочисленные аналогии среди тюркских ритуальных сооружений. По совокупности признаков и с определенной долей вероятности его можно отнести к кудыргинскому этапу тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в. н.э.).

План городища Даян-Нур

В Ховдском аймаке была продолжена работа по фиксации памятников на участке долины правого берега Буянта (в нижнем течении). Зафиксированы группы и отдельные сооружения различных исторических периодов (произведена GPS-фиксация, выполнено фотографирование, сделаны описания, получены планы). Участниками экспедиции также осматривались хорошо известные скопления петроглифов на скале Чандмань Хар Узуур. В Алтай сомоне осуществлены обследования в ущелье Яманы Ус, где расположены многочисленные наскальные изображения, опубликованные в монгольских и советских изданиях. Рядом найдены другие местонахождения рисунков.

В ходе осуществленных изысканий продолжено изучение «оленных» камней. Основной задачей стала разноплановая фиксация древних «изваяний», которые не известны специалистам или отражены в научной литературе фрагментарно. Полученные результаты позволяют планировать дальнейшие работы по детальному копированию выявленных «скульптур», в том числе с использованием современных возможностей 3D-сканирования.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ОСТАНКОВ ОВЕЦ И ЛОШАДЕЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ

*А.А. Тишкин¹, М.Л. Филипенко², М.А. Дымова²,
С.П. Грушин¹, М.А. Куслий³, М.Ю. Клименко¹*

*¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

*²Институт химической биологии и фундаментальной медицины
СО РАН, Новосибирск, Россия;*

*³Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В течение многих лет экспедиции Алтайского государственного университета исследовали памятники, относящиеся к разным периодам древней и средневековой истории. Основным массовым материалом являлись костные останки диких и домашних животных. Значительные коллекции таких находок сформировались после изучения археологических комплексов эпохи бронзы. Среди них особое место занимает поселение Березовая Лука, демонстрирующее становление производящего животноводства на юге Западной Сибири [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011]. Существенным представляется собрание костей лошадей из погребально-поминальных комплексов Алтая и Верхнего Приобья [Тишкин, Косинцев, 2008; Тишкин, Лукерина, 2011]. Кроме этого, имеются материалы из других регионов Сибири. Весь этот массив находок изучен специалистами-археозоологами и является основой для проведения палеогенетических исследований.

В рамках выполнения научной программы Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая запланировано широкое применение спектра современных ме-

тодов для получения новой и объективной информации, которая будет направлена на реконструкцию исторического прошлого. Для реализации такого плана намечено проведение молекулярно-генетических исследований костных останков овец и лошадей. В 2015 г. получены первые результаты такой деятельности.

Для анализа митохондриальной ДНК древней овцы была отобрана серия образцов из памятников ранней бронзы Березовая Лука (раскопки А.А. Тишкина, С.П. Грушина), Телеутский Взвоз-I (раскопки А.А. Тишкина, С.П. Грушина, А.А. Казакова, В.В. Горбунова) и Кольванское-I (раскопки С.П. Грушина). Для получения сравнительных данных привлекались находки из других более поздних памятников и кость современного животного. В результате проведено секвенирование D-петли 16 митохондриальных ДНК овец, костные останки которых обнаружены в археологических комплексах. Это позволило выявить существование на юге Западной Сибири трех типов мтДНК древних и средневековых овец: I – имеющий гомологию мтДНК овец из Турции, Тибета и Китая [Liu etc., 2015], II – гомологичный европейским породам, а также тип III, который отличается от исследуемых последовательностей D-петли мтДНК овец и имеет гомологию с овцами, обитающими на Пиренейском полуострове [Pedrosa etc., 2007]. Предварительные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего полногеномного секвенирования хотя бы одного представителя из каждой группы.

Для палеогенетического изучения останков лошадей отобрана серия образцов из курганов хуннского времени таких комплексов, как Царам (раскопки С.С. Миняева) и Яломан-II (раскопки А.А. Тишкина). Эти материалы дополнены отдельными костями из памятников кочевников аржано-майэмирского, скифо-сакского, сяньбийского, жужанского и тюркского времени. Пока лишь получены результаты филогенетического анализа последовательностей митохондриальной ДНК, выделенной из костных образцов лошадей из Царама (Бурятия), и установлено, к какой гаплогруппе они относятся. Кроме этого, определена масть этих животных.

Несомненными представляются перспективы дальнейших палеогенетических исследований костных останков животных. Все возможности для этого имеются.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.

Тишкин А.А., Косинцев П.А. Древние и средневековые лошади Алтая: результаты и перспективы исследования // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Вып. 2. – Томск : Том. ун-т, 2008. – С. 216–222.

Тишкин А.А., Лукерина Я.Е. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековье // Владимиров В.Н., Гончаров Ю.М., Ильина Е.В. и др. Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. I. – С. 74–86.

Liu JB., Ding XZ., Guo TT., Yue YJ., Zeng YF., Guo X., Chu M., Han JL., Feng RL., Sun XP., Niu CE., Yang BH., Guo J., Yuan C. The complete mitochondrial genome sequence of the wild Huoba Tibetan sheep of the Qinghai-Tibetan Plateau in China // Mitochondrial DNA. – 2015. – P. 1–2.

Pedrosa S., Arranz J-J., Brito N., Molina A., San Primitivo F., Bayón Y. Mitochondrial diversity and the origin of Iberian sheep // Genet Sel Evol. – 2007. – V. 39. – P. 91–103.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
В МУЗЕЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОРНОГО
ПРОИЗВОДСТВА им. А. ДЕМИДОВА
(г. Змеиногорск)**

Т.В. Тишкина

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

История основания и формирования музея в г. Змеиногорске имеет несколько этапов. В 1823–1825 гг. по инициативе начальника округа Кольвано-Воскресенских заводов П.К. Фролова осуществлялось строительство здания для музея, который открыли в 1827 г.

Британский путешественник Чарльз Герберт Коттрелл, посетивший Змеиногорск в 1840 г., отметил: «Здесь есть довольно хороший музей...» [Смирнова, Складорова, 2000, с. 290].

В 1921 г. слушатели Змеиногорских педагогических курсов организовали сбор материалов для создания музея, который открылся в мае 1922 г. В историческом отделе демонстрировались нумизматические экспонаты, Евангелие XVIII в., кольчуга и три пистолета начала XIX в. [Тишкина, 2004, с. 100].

В 1976 г. в школе №1 г. Змеиногорска на общественных началах был создан музей. В 1979 г. для его размещения предоставлено вышеупомянутое историческое здание. Под руководством заведующей городским отделом культуры В.Х. Смирновой осуществлялся сбор тематических материалов. Куратором создания экспозиции выступила заведующая отделом досоветской истории Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) Э.М. Медникова, имевшая опыт археологических исследований. После завершения реконструкции здания 27 апреля 1985 г. «Музей истории

развития горного производства» открыли как филиал АККМ. Сразу же началась активная работа по пополнению музейного фонда, первоначально включавшего около 200 единиц хранения.

В августе 1986 г. осуществлялись изыскания совместно с приглашенными археологами В.А. Могильниковым и В.Б. Бородаевым. В результате музей пополнился необходимыми экспонатами. Сотрудничество со специалистами продолжалось и в последующее время. Это позволило создать зал «Рудный Алтай в древности и средневековье». Следует указать, что на территории Змеиногорского района зафиксировано более 120 памятников археологии [Кунгуров, Лыжникова, Грушин, 2004]. Фонд музея ныне включает свыше 1000 предметов в археологической коллекции, большая часть их введена в научный оборот [Смирнова, Тишкин, 2000; Тишкин, 2014; и др.]. В 2014 г. был разработан и по настоящее время реализуется проект по усовершенствованию экспозиции музея [Грушин, Сайберт, Спиненко, 2015]. Оригинальная расстановка в зале двусторонних витрин позволила представить в хронологическом развитии изделия из камня, кости, глины, металла. Отдельно демонстрируются палеонтологические сборы.

Наиболее важным и в определенной мере уникальным является собрание металлических изделий конского снаряжения раннескифского времени, среди которых выделяется почти полный комплект узды из памятника Кондратьевка-XXI. В витринах представлены средневековые находки из раскопок Ю.П. Алехина, которые полностью еще не введены в научный оборот. Особое внимание привлекает фрагмент металлического зеркала с рунической надписью.

Имеющиеся в музее археологические материалы обладают серьезным научно-исследовательским потенциалом. С применением современных естественно-научных методов может быть получена информация для объективной реконструкции древнейших, древних и средневековых страниц истории юга Западной Сибири и Алтая.

Список литературы

Грушин С.П., Сайберт В.О., Спиненко О.В. Концепция экспозиции по археологии в «Музее истории развития горного произ-

водства им. А. Демидова» в Змеиногорске // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XXI. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 240–246.

Кунгуров А.Л., Лыжникова О.Г., Грушин С.П. Свод памятников археологии Змеиногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XVIII–XIX. – Барнаул : Азбука, 2013. – С. 456–487.

Смирнова В.Х., Склярова О.Н. Музей всегда должен быть готов к вызовам времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтай. – Вып. XI. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 290–293.

Смирнова В.Х., Тишкин А.А. Археологические коллекции Змеиногорского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтай. – Вып. XI. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 302–303.

Тишкин А.А. Научный потенциал археологического собрания Змеиногорского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтай. – Вып. XX. – Барнаул, 2014. – С. 43–48.

Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтай в 1918–1931 гг. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 312 с.

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ИНФАНТИЦИДА В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ В СВЯЗИ С ВРОЖДЕННЫМИ ПОРОКАМИ РАЗВИТИЯ

С.С. Тур¹, С.В. Святко²

*¹Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия;*

*²Королевский университет Белфаста,
Белфаст, Северная Ирландия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Письменные и этнографические источники показывают, что инфантицид широко практиковался на протяжении значительной части истории человечества как средство контроля за рождаемостью и адаптации к неблагоприятным условиям среды. Инфантицид мог иметь место при появлении нежеланного, «незаконного» или больного ребенка, смерти матери во время или вскоре после родов, предпочтении детей определенного пола (обычно мужского). Наиболее распространенной причиной инфантицида являлись видимые врожденные пороки развития, особенно лица и головы [Williamson, 1978, p. 61–75]. Ребенка при рождении внимательно осматривали и, если что-нибудь было «неправильно», ему «позволяли умереть» – обычно оставляли в безлюдной местности [Sargent, 1987, p. 79–96; Scheper-Hughes, 1990, p. 301–310]. Наряду с непосредственным инфантицидом во время или вскоре после родов, существовал также «опосредованный», или «отсроченный», инфантицид, когда ребенка с пороком развития оставляли в живых, однако заботились о нем меньше, чем могли бы или должны были [Scrimshaw, 1983, p. 245–266; Mull D., Mull J., 1987, p. 113–134; Scheper-Hughes, 1990, p. 301–310; Brewis, 1992, p. 103–119]. Хотя практика инфантицида и дискриминации в отношении индивидов с видимыми врожденными пороками развития имела очень широкое распространение в древних и тра-

диционных обществах, она не была универсальным явлением. Так, в некоторых группах южноамериканских индейцев к лицам с врожденными дефектами относились, наоборот, с особым почтением [Valera, 1879, p. 170–172; Carod-Artal, Vázquez Cabrera, 2006, p. 297–303]. Однако примеры такого рода крайне малочисленны.

В этой связи заслуживает внимания случай врожденной расщелины верхней губы и неба у мужчины, погребенного в могильнике Фирсово-XIV андроновской культуры лесостепного Алтая (раскопки А.Б. Шамшина). Данная патология имеет широкое распространение среди современного населения, однако в палеоантропологических материалах, особенно датирующихся ранее рубежа нашей эры, она встречается редко.

Для того чтобы определить отношение андроновского коллектива к видимым врожденным порокам развития, проведен сравнительный анализ биологического профиля и диеты индивидов, а также соответствующего археологического контекста.

Установлено, что молодой мужчина, страдавший от врожденного расщепления верхней губы и альвеолярного отростка, имел рост выше среднего и средний вес. Его диета содержала большое количество животного белка и по пропорции животного и растительного компонентов не отличалась от диеты других членов сообщества. Могила этого индивида также ничем не выделялась среди прочих андроновских погребений Фирсово-XIV.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у скотоводов Алтая эпохи развитой бронзы не было негативного отношения к индивидам с врожденными дефектами лица.

Список литературы

Brewis A.A. Anthropological perspectives on infanticide // *Arizona Anthropologist*. – 1992. – №8. – P. 103–119.

Carod-Artal F.J., Vázquez Cabrera C.B. Malformaciones y parálisis faciales en la cerámica de las culturas precolombinas Moche y Lambayeque // *Neurología*. – 2006. – №21. – P. 297–303.

Mull D.S., Mull J.D. Infanticide among the Tarahumata of the Mexican Sierra Madre // *Child survival: anthropological perspectives on the treatment and maltreatment of children*. – Dordrecht, 1987. – P. 113–134.

Sargent C.F. Born to die: the fate of extraordinary children in Bariba culture // *Ethnology*. – 1987. – №23. – P. 79–96.

Scheper-Hughes N. Difference and danger: the cultural dynamics of childhood stigma, rejection, and rescue // *Cleft Palate Journal*. – 1990. – №27. – P. 301–310.

Scrimshaw S. Infanticide as deliberate fertility regulation // *Determinants of fertility in developing countries. V. 2. Fertility regulation and institutional influences*. – New York, 1983. – P. 245–266.

Valera B. Relación de las costumbres antiguas de los naturales del Pirú // *Tres relaciones de antigüedades peruanas*. – Madrid, 1879. – P. 170–172.

Williamson L. Infanticide: an anthropological analysis // *Infanticide and the value of life*. – New York, 1978. – P. 61–75.

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ: ПРОПОРЦИИ И ДЛИНА ТЕЛА

Т.А. Чикишева^{1,2}, Д.В. Поздняков^{1,2}

*¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия;*

*²Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Серии палеоантропологических материалов эпохи неолита Обь-Иртышского междуречья детально изучены по краниометрической и одонтологической программам, но особенности посткраниального скелета до сих пор практически не нашли отражения в литературе. В то же время восстановленные по длинным костям скелета размеры и пропорции тела являются важным источником информации по адаптации популяций человека к окружающей среде. Реконструировав длину и пропорции тела, мы получаем более полную характеристику физического облика членов группы, каждый из которых занимал в ней определенное место (социальный статус), обусловленное в значительной мере особенностями и потенциальными возможностями телесной конституции, в которой эти параметры имеют ведущие позиции. При межпопуляционных взаимоотношениях также имеет значение отбор индивидов с теми или иными качествами физического развития.

Наше исследование направлено на обобщение данных по длине и пропорциям тела, реконструированным для палеоантропологических серий, полученных из неолитических погребений некрополей Обь-Иртышского междуречья: Сопка-2, Протока, Корчуган, Венгерово-2А, Солонцы-5.

Для реконструкции длины тела мы использовали несколько формул, предложенных в руководстве по остеометрии В.П. Алексеева [1966], построенных по уравнениям регрессии для проксимальных и дистальных сегментов верхней и нижней конечностей в разных расовых группах современного населения с мезоморфными пропорциями: 1) К. Пирсона и А. Ли; 2) С. Дюпертюи и Д. Хеддэна; 3) Л. Мануврие; 4) А. Тельккя; 5) В.В. Бунака; 6) Г.Ф. Дебеца. Также мы использовали способ, предложенный сравнительно недавно М. Фельдсманом с соавт. [Feldsman, Kleckner, Lundy, 1990], в основу которого положено обнаруженное ими постоянство отношения длины бедренной кости к длине тела, которое может рассматриваться как константа и составляет при незначительных колебаниях 2,74.

Интермембральный указатель свидетельствует об относительной длиннорукости групп из Корчугана и Венгеро-2А. При этом соотношение дистальных и проксимальных сегментов верхней конечности практически одинаково во всех изученных группах. Наиболее интересным мы считаем наблюдение по соотношению сегментов нижней конечности. Серия из Венгеро-2А выделилась на фоне остальных групп наиболее коротким бедром. Мы предполагаем, что такое соотношение было обусловлено особенностями двигательной активности этой популяции, которые, возможно, являлись адаптациями к специфическим нагрузкам. Например, венгеровцы могли в меньшей степени использовать ходьбу и бег, требующих широкого шага, осуществляемого за счет мышц бедра. Слабое развитие костных гребней для прикрепления мышц может служить подтверждением этого предположения. Проживая вблизи реки, они, вероятнее всего, активно использовали для перемещения лодки. В остальных группах берцово-бедренный индекс значительно ниже.

По длине тела мы не обнаружили существенных межгрупповых различий: внутри всех групп длина тела у мужчин варьирует значительно – от средних до высоких величин, тогда как женщины имеют средний рост. В наибольшей степени половой диморфизм по длине тела выражен в серии из Венгеро-2А.

Проведенный нами анализ показателей физического развития позволил предположить, что пропорции основных сегментов скелета и особенности их рельефа могут отражать дифференциацию групп по основной функциональной нагрузке в жизнедеятельности людей, связанной с особенностями их двигательной активности.

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М. : Наука, 1966. – 249 с.

Feldesman M.R., Kleckner J.G., Lundy J.K. Femur stature Ratio and Estimates of Stature in Mid – and Late-Pleistocene Fossil Hominids // *Am. J. Phys. Anthr.* – 1990. – V. 83, №3. – P. 359–372.

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПАМЯТНИКЕ ФИРСОВО-III

Я.В. Фролов, А.С. Федорук

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Памятники эпохи раннего железа – наиболее многочисленные объекты в составе Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье): 23 поселения и четыре могильника. При этом погребальные памятники скифского времени микрорайона демонстрируют значительное разнообразие погребальной обрядности. В этом плане интересен могильник скифского времени Фирсово-III. В 1990-е гг. здесь обнаружены захоронения VI–V вв. до н.э., отличающиеся от староалейских или каменных погребений региона. Иным было положение погребенных: скорчено на боку или на спине с подогнутыми ногами, что не характерно для погребальной практики скифского времени в Верхнем Приобье (преобладает положение вытянуто на спине).

В 2015 г. на могильнике Фирсово-III изучено еще одно захоронение, демонстрирующее подобный погребальный обряд. Поверхность могильника серьезно потревожена, что делает невозможным определить, имелись ли над захоронениями насыпи. Так, раскопанное в 2015 г. погребение было перекрыто мощным слоем песчаного надува высотой более метра.

От древней дневной поверхности глубина погребальной камеры составила около 50 см. Захоронение было углублено в материк на 10–15 см. Четких контуров могильной ямы выявить не удалось. Вероятно, она имела овальную или подпрямоугольную форму с закругленными углами (примерные размеры – 160 x 70 см). В могиле обнаружен один костяк – лежал на спине с вытянутой вдоль тела правой рукой (левая часть скелета не со-

хранилась), с подогнутыми и заваленными вправо ногами. Череп также повернут вправо. Погребенный ориентирован головой на юго-запад. У черепа обнаружены бронзовая шпилька с расплюснутым насадом и бронзовая пронизь (деталь ожерелья?). Под тазом найден небольшой пластинчатый бронзовый нож с прямой спинкой и выделенной рукоятью, находившийся, по-видимому, в кожаных ножнах. В ногах умершего размещался небольшой плоскодонный кувшиновидный сосуд с коротким горлом и раздутым туловом. Рядом с ним, одним скоплением, лежали пряслице, миниатюрная плошка, небольшая галька, абразив и обломок шила с уплощенным концом.

В целом погребальный инвентарь характерен для женских захоронений скифского времени Барнаульского Приобья. Датировать данный комплекс можно в рамках VI–IV вв. до н.э. Культурную принадлежность комплекса определить сложно: набор инвентаря близок к материалам староалейской культуры, но сами вещи (сосуд, пряслице, бронзовые изделия) не имеют культуроопределяющих признаков.

Обнаружение на могильнике Фирсово-III захоронений, расположенных обособленно, на отдельном погребальном поле, демонстрирующих особый погребальный обряд, и в то же время хронологически близких расположенному в 300 м северо-западнее могильнику Фирсово-XIV, основной комплекс которого датируется также VI–IV вв. до н.э., может говорить о сосуществовании групп населения, имеющего разные культурные традиции.

Схожая картина наблюдается на комплексе памятников Малый Гоньбинский Кордон-1. Здесь присутствуют три обособленных группы погребений (могильники №1–3) датирующиеся в рамках VII–V вв. до н.э. и имеющие некоторые отличия в погребальной обрядности.

Все это может свидетельствовать о многокомпонентности групп населения, участвовавшего в формировании культур Верхнего Приобья в скифское время.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет.

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

ИМКЭС СО РАН – Институт мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук.

ИНГГ – Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А.Трофимука СО РАН (ИНГГ СО РАН).

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры.

МКУК – муниципальное казенное учреждение культуры.

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

НПО – научно-производственное объединение.

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.

ФГБОУ ВПО – федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования.

Научное издание

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ**

Тезисы докладов отчетной сессии

Выпуск 2

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать __. __.2016. Печать офсетная.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 5,58.
Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а